

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Зублева Анна Сергеевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Эмотивы в семантике и структуре романа А.П. Степанова «Тайна»

(материалы курса по выбору в 10-11 классах)

Направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование

(с одним профилем подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. заведующего кафедрой к.филол.н.,
доцент Мамаева Т.В.

(дата, подпись)

Руководитель проф., док. филол.н., Бурмакина Н.А.,

(дата, подпись)

Дата защиты _____

Обучающийся Зублева А.С.

(дата, подпись)

Оценка _____

(прописью)

Красноярск 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ.....	5
1.1.ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ЭМОТИВНОСТИ.....	5
1.2.ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОТИВНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ.....	11
1.3.ЭМОТИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ.....	16
1.4. СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ЭКСПРЕССИВНОСТЬ» - «ЭМОТИВНОСТЬ» - «ОЦЕНОЧНОСТЬ» И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ.....	28
1.5.ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: СТРУКТУРА И СОСТАВ.....	30
1.6.ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	32
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ» В РОМАНЕ А.П.СТЕПАНОВА «ТАЙНА».....	35
2.1. ЭКСПЛИЦИТНОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВОВ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ».....	35
2.1.1. ЭКСПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «ЛЮБОВЬ».....	35
2.1.2. ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «ЛЮБОВЬ».....	46
2.1.3. ЭКСПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «НЕНАВИСТЬ».....	48
2.1.4. ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «НЕНАВИСТЬ».....	50
ГЛАВА 3. МЕТОДИКА РАБОТЫ С ЭМОТИВАМИ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.П. СТЕПАНОВА «ТАЙНА».....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	62
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	67
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	77
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	82

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	84
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	89

ВВЕДЕНИЕ:

Антропоцентрический подход в последние годы побуждает исследователей обращаться к описанию лексики, обозначающей эмоции и чувства, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Эмоциональная сфера считается едва ли не самой сложной системой человека. Эмоции являются одним из основных и всепроникающих аспектов человеческого опыта. Обычно люди испытывают широкий диапазон эмоций: от спокойного удовлетворения при выполнении сравнительно обыденной задачи до скорби, испытываемой при смерти близкого человека. Поэтому сфера чувств и эмоций, бесспорно, нуждается в глубоком и детальном изучении не только с точки зрения физиологов и психологов, но и с позиций лингвиста. Для него интерес представляют языковые средства, используемые при выражении чувств говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего.

Художественное пространство поэтического текста в первую очередь соотносится с миром эмоций и чувств человека. Исследование эмотивной лексики интересно тем, что об истинной природе человеческих чувств, страстей, эмоций, об их силе можно узнать только благодаря той форме, которую они приобретают, попадая из внутреннего мира во внешний, то есть благодаря слову. Изучение именно такой лексики является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного текста и для понимания человеческой психологии в целом. Эмоции героев произведения представляют собой особую психологическую реальность. Совокупность их в тексте — своеобразное множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими субъектами.

Объектом исследования в работе служит эмотивная лексика, выражающая «любовь» и «ненависть».

Материалом исследования послужил роман «Тайна» А.П.Степанова (1838г).

Предметом исследования являются языковые средства в широком смысле: синонимы, антонимы, выражающие значение эмоциональной ценности в языке XIX в., в художественном тексте А.П.Степанова «Тайна».

Цель: исследование лексико – семантических особенностей выражения эмотивов «любовь» и «ненависть» в романе А.П.Степанова «Тайна».

Задачи:

1. Изучить историю вопроса исследуемого предмета.
2. Выявить лингвистические средства выражения эмоциональных ценностей «любовь» и «ненависть» по материалам словарей XIX в.
3. Выявить общее и индивидуальное в художественном воплощении ценности у А.П.Степанова.

Ведущие методы в работе:

1. Метод научного описания.
2. Метод сплошной выборки.
3. Метод полевого анализа.
4. Метод лингво-стилистического анализа.
5. Метод количественного анализа.

Методологическую основу работы составили теоретические принципы, выдвинутые в трудах отечественных и зарубежных ученых (А. Вежбицкой, В.И. Шаховского, В.И.Болотова, Л.А.Пиотровской и др.).

ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ЭМОТИВНОСТИ

Общим проблемам эмотивности посвящены работы Э.С. Азнауровой, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, С.Б. Берлизон, Е.М. Галкиной-Федорук, В.А. Звегинцева, В.Н. Михайловской, В.Н. Телия, В.И. Шаховского и др. Проблема «эмоций в языке» разрабатывается в рамках лексикографической теории и практики (Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Н. М. Павлова), проблемы отражения эмоций в речи на синтаксическом уровне нашли отражение в работах Ю.М. Малинович, О.В Александровой. Репрезентация эмоции рассматривается и в рамках когнитивно – коммуникативного подхода (О. Е. Филимонова). За рубежом внимание к эмоциональному аспекту языка уделяли А. Вежбицка, Б. Волек, Дж. Эйчисон, М. Бэмберг.

Эмоции как внутриспсихические явления могут лишь в том случае обрести социальную реальность, если они будут в той или иной форме выражены. Эмоции объективируются во внешних проявлениях - поведении, мимике, жестах, речи, т.е. в разнообразных манифестациях, которые окружающими воспринимаются как индикаторы тех или иных эмоций. Один из наиболее универсальных и распространённых способов актуализации эмоций состоит в их вербализации во внешней речи. Отметим, что сама речь никаких эмоций не содержит, так как эмоция - феномен психический. Текст может содержать лишь описание эмоций. Таким образом, эмоциональность - это психологическая характеристика личности, состояния её эмоциональной сферы.

Важно отметить, что в тексте вербализуются не все, а лишь некоторые эмоции из эмоциональной сферы автора и, кроме того, вербализованная эмоция не полностью адекватна авторскому замыслу, т.е. своему эмоциональному прототипу. Принципиально вербализация эмоций возможна двумя способами [Телия, 1991: 7]:

1. Называние эмоциональных состояний как фактов. Так, когда мы употребляем слово «смерть» или «смех», то не умираем и не смеёмся, а только называем или описываем эти состояния как факты.

2. Выражение эмоциональных состояний с помощью экспрессии. Так, когда мы говорим «дать дуба» или «смеяться до слёз», то передаём ещё и чувство-отношение своего «я» к обозначаемым понятиям.

В первом случае эмоция - не непосредственное чувство, а лишь логическая мысль о нём. Лексика, называющая эмоции, носит ассоциативно-эмотивный характер, т.к. она, не выражая эмоции, ассоциативно отсылает сознание говорящего к сфере эмоций [Шаховский, 1987: 108]. Во втором случае речь идёт о непосредственной манифестации эмоций в речи, сопровождающейся внутренним и внешним переживанием. Лексика, выражающая эмоции, носит эмотивный характер. Таким образом, эмотивность - это характеристика языковых средств, употребляемых для кодифицированного выражения эмоций в речевом общении и способных произвести эмоциональный эффект на реципиента. Как видим, речь идёт о двух взаимосвязанных функциях эмотивов: первая сосредоточена на отправителе и связана с выражением собственных эмоций индивида, вторая сосредоточена на получателе и связана с достижением желаемого воздействия от сказанного. Экспрессивность - эта общая характеристика текста, интегральный результат реализации эмотивности, оценочности, образности, интенсивности, стилистической маркированности, структурно-композиционных свойств, подтекста. Следует отметить, что эмоциогенным может быть не только экспрессивный текст, но и любой другой за счёт своего понятийно-предметного содержания, ибо всегда найдётся реципиент, для которого это содержание окажется лично значимым.

Для вербализации личностных эмоций автора и эмоционального воздействия на адресата могут быть использованы языковые средства и речевые механизмы. Языковые средства - это эмотивные слова и выражения, обладающие эмоциональной значимостью. Иначе говоря, это то, что задано в

языке. Как писал В.В. Виноградов, «в самом языке, а вовсе не в психологии говорящих и пишущих ..., кроме звуков, форм и знаков, есть нечто, именно экспрессия, принадлежащая звукам, формам и знакам» [Виноградов, 1981: 244]. Речевые механизмы - это система организации языковых средств автором в процессе производства текста. В целях достижения эффективности и убедительности автор может синтезировать в потоке речи различные речевые механизмы экспрессивности, используя как эмотивные, так и нейтральные слова, и выражения. Исчислить все средства и приёмы невозможно, ибо в конкретном тексте может произойти эмоциональная, образная, эстетическая и другая трансформация любых нейтральных средств языка, которые в зависимости от намерения автора могут стать экспрессивными.

Рассмотрим более подробно языковые средства. Среди учёных-лингвистов до сих пор нет единого мнения о том, какие лексические средства языка следует относить к эмотивной лексике. Одни относят к эмотивам и слова, выражающие чувства говорящего, и слова-оценки, квалифицирующие предмет, явление с положительной или отрицательной стороны всем своим составом, лексически. Другие исключают из состава эмотивов слова, называющие эмоции и чувства. Третьи считают, что к эмоциональной лексике следует относить слова, являющиеся носителями информации об эмоциональном отношении говорящего к действительности, т.е. слова с объективно присущим им эмоциональным значением.

Мы будем понимать под фондом эмотивных лексических средств языка языковые единицы, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семы, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального состояния [Шаховский, 1987: 24]. Принципы классификации эмотивов пока ещё чётко не разработаны, их типология не создана. Пока отнесение к разряду эмотивов основывается на внешнем признаке - функциональном: если слово выражает или может выражать эмоции, то оно эмотивно.

Эмотивы подразделяются на:

- аффективы - слова, которые включают только семы эмоциональности. Они характеризуют высшую степень эмоциональности говорящих. Это междометья и междометные слова, лексика обзывания и ласкания, бранная лексика.
- коннотативы - слова, эмотивная доля значения которых является компонентом, т.е. сопутствует основному логико-предметному значению. Коннотативы по сравнению с аффективами характеризуют большую осознанность выражаемых эмоций. Это словообразовательные дериваты разных типов, зоолексика с чужими денотатами, эмоционально-оценочные прилагательные, эмоционально-усилительные наречия, обиходно-разговорная эмоционально окрашенная лексика, архаизмы, поэтизмы и др.
- сленгизмы, жаргонизмы, вульгаризмы, которые хотя и нейтральны в языке своего микросоциума, но в кодифицированном литературном языке относятся к разряду эмотивных средств.
- экспрессивы - языковые единицы, увеличивающие воздействующую силу за счёт сем усиления, образности и др. Например, идиомы, в семантической структуре которых выделяется 3 типа модальности: рационально-оценочная, деонтическая и эмотивная, выражаемая диапазоном чувств, ограниченных двумя полюсами - «плюс» и «минус». Отличие идиом от слов заключается прежде всего в их экспрессивности. Сюда относятся также метафоры, паремии, аллюзии и др. лексические средства, обладающие ярко выраженным эмотивным потенциалом.

Эмотивы не соотносятся непосредственно, как индикативные слова, с предметами и явлениями действительности. Они соотносятся с типизированными эмоциями, которые вызываются этими предметами. Однако установить для каждой эмоции соответствующие средства вербализации невозможно, т.к., с одной стороны, для выражения одних и тех же эмоций используются различные языковые средства, а, с другой стороны,

одни и те же языковые средства могут быть использованы для вербализации различных эмоций. Примечательно, что в языке преобладают эмотивы неодобрения, т.е. эмоции неодобрения, порицания могут быть выражены гораздо более разнообразно, чем похвала, одобрение [Шаховский В.И., 1987: с.57].

Что касается речевых механизмов, то, как уже было отмечено, они синтезируются автором в процессе порождения текста и более индивидуальны, чем универсальные языковые единицы. Правда, с точки зрения логики, все приёмы, представляющие собой различные сущности, могут быть сведены к нескольким логическим основаниям. Например, повтор или сбой в логике мышления. Так как выделить все речевые приёмы не представляется возможным, отметим лишь некоторые, которые релевантны для нашего исследования:

- группа структурно - семантических приёмов, связанных с использованием в речи особых синтаксических конструкций или текстовых структур, свидетельствующих об эмоциональной напряженности говорящего и придающих его речи экспрессивный характер. Например, сюда можно отнести приёмы выдвижения, о которых впервые упоминается в исследованиях Пражского лингвистического кружка. Пражские лингвисты применяли термин «актуализация», под которым они понимали такое использование языковых средств, «которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишённое автоматизма, деавтоматизированное». Особенно интересно в этой связи эмфатическое выдвижение, связанное с эмоциями и ожиданиями автора, его личностным восприятием фактов. Эмфатическое выдвижение способствует выражению авторской оценки.
- группа приёмов, связанных с нарушением всякого рода стереотипов - социальных, логических, поведенческих, языковых. Так, частным случаем нарушения языковых стереотипов является оксюморон -

подчёркнутое соединение исключаящих друг друга единиц языка, создающее абсурдность выражения. С нарушением логических стереотипов связан, например, эффект «обманутого ожидания» или эффект неожиданности.

- группа приёмов создания комического от юмора до сарказма, которые связаны с такой эмоцией как смех. Хотя приёмы создания комического можно определить как частный случай нарушения мыслительных стереотипов, мы выделили их в отдельную группу ввиду особой распространённости среди парламентариев. Как порождение, так и восприятие комического текста определяются понятиями «игра» и «стереотип», оппозиция которых составляет глубинный слой комического. Причём в данном случае речь идёт не о приёмах игры языка (напр. игры слов), а об игре коммуникативной, понимаемой как «глубинная структура психики человека, приводящая в движение его творческие способности. В основе комического лежит сочетание заданности, предписанности, исходящих от стереотипного элемента текста, и изменчивости, вариативности, диктуемых игровым компонентом. Деятельность человеческого сознания базируется на фреймах, являющихся когнитивными коррелятами стереотипных ситуаций. Комический эффект достигается изменениями в структуре фреймов и в системе отношений фрейма со средой его функционирования.
- приёмы языковых игр, основанные на многозначности слов, омонимии, деформации паремий и идиом, рифмовании, языковом контрасте и противопоставлении и др.

1.2. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОТИВНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Чтобы выразить эмоции, носители языка используют так называемую эмотивную лексику, имеющую как положительную, так и отрицательную окраску, что демонстрируют примеры, приведенные, в частности, в работах

В.И.Шаховского. Так, например, слово "радость", реализуя мысль об эмоции, имеет положительную окраску. То же самое относится и к употреблению слова "восторг", в то время как слово "вонючий" отражает противную, отвратительную, т.е. очень неприятную и одновременно сильную эмоцию [Шаховский, 2012: 43].

Для того чтобы определить, что такое эмотивная лексика, необходимо разграничить термины эмотивная лексика, эмоциональная лексика, лексика эмоций, которые активно используются в настоящее время в научной литературе. Определить границы этих терминов трудно, потому что некоторые ученые принципиально разграничивают эти понятия, а некоторые - сближают их. Эмоциональная лексика - это термин, имеющий несколько значений, которые представлены в энциклопедическом словаре лингвистических терминов и понятий. Ряд лингвистов (Г.С.Журавлева, М.А.Лапыгин, Л. В. Рацибурская, А.Н.Тихонов, Е.Н.Тихонова, Р.И.Хашимов) относят к эмоциональной лексике: 1. Слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность. Например: бабуся, доченька, миленький, родненький, сыночек; вонища, духотища, жарыща. 2. Бранные слова. Например, мерзавец, подлец, негодяй. 3. Междометия. Например: Bravo! Крышка! Черт побери! Какой мерзавец! Боже мой! Некоторые лингвисты, например, Е.М. Галкина-Федорук, относят к эмоциональной лексике также слова, служащие обозначением испытываемых чувств, настроений, переживаний или средством выражения эмоциональной оценки. В качестве примеров приводятся следующие: злоба, грубость, брезгливость, ненависть, отвращение, страх, печаль; гадкий, противный, подлый, мерзкий, негодный, скверный; любимый, славный, чудесный, ласковый. [Галкина-Федорук, 1962: 14].

К эмоциональной лексике относят эмоционально окрашенные слова, которые также употребляются для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта. Лексика эмоций в научной литературе определяется как лексика, называющая и описывающая эмоции, содержащая

в своей семантике идею об эмоциях. Она отличается от эмоциональной лексики тем, что включает в себя слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях (слова типа «любить», "ненавидеть"). Лексика эмоций ориентирована на объективацию эмоций в языке. При понимании эмоции как специфической формы отражения действительности и ее оценки через человеческие чувства, термин эмоциональная лексика выявляет связь между словом и определенной эмоцией, выраженной с помощью данного слова. В предыдущем параграфе мы указывали на разные способы выражения эмоциональных смыслов. Вслед за осознанием этого факта в лингвистике произошло разделение эмоциональной лексики на лексику эмоций и собственно эмоциональную лексику. В основу этого разделения были положены различные функции использования данной лексики. Лексика эмоций называет эмоции в языке (номинативная функция). Само предметно-логическое значение этой лексики дает нам представление об эмоциях. Эту лексику можно вычлениить и описать на основе материалов словарей. Эмоциональная лексика соотносится с экспрессивной и прагматической функциями и отражает, соответственно, эмоции того, кто говорит, и его оценку факта или явления действительности. Вместе с тем эти два разряда лексики некоторые лингвисты объединяют и называют просто эмотивной лексикой [Бабенко, 1988: 151]. В отличие от лексики эмоций и эмоциональной лексики, эмотивная лексика, представляющая собой одну из важнейших сторон внутреннего мира личности, "обозначает эмоциональные переживания и их проявления. При этом эмотивная лексика обладает значительным потенциалом эмоциональности" [Парсиева, 2006: 84].

Некоторые ученые причисляют к эмотивным лексемам «ласкательные слова, бранные слова, междометия (так как только они передают одобрение или неодобрение, презрение и восхищение, насмешку, иронию, нежность и т.д.) и слова, эмоциональная значимость которых создается с помощью словообразовательных суффиксов» [Галкина-Федолук, 1962: 14].

Например, слово "дождь" никаких эмоций не отражает: не называет, не описывает и не выражает эмоции. Но слово "дождь", произнесенное с различной интонацией, может являться "знаком эмоционального отношения, а конкретная эмоция может сопрягаться с оценочной зоной радости, ликования, восторга или раздражения" [Шаховский В.И. 2012: с.43]. Таким образом, те слова, которые, как мы продемонстрировали ранее, по мнению многих исследователей, могут быть отнесены к разряду эмоциональной лексики или к лексике эмоций, многими авторами рассматриваются как эмотивная лексика. Это значит, что эмотивная лексика - это лексика эмоций + эмоциональная лексика.

В современной лингвистике под эмотивной лексикой понимается вся совокупность лексических средств, с помощью которых выражаются эмоции [Лукьянова, 1976: 11].

Подобное определение демонстрирует широкое понимание эмотивности, при котором любые языковые средства, с помощью которых выражаются эмоции, относятся к эмотивной лексике. Это значит, что к эмотивной лексике могут быть отнесены языковые единицы разного уровня, близкие по семантике. Вслед за В.И.Шаховским мы придерживаемся в нашем исследовании этого широкого понимания эмотивной лексики. Многие авторы считают, что к эмотивной лексике следует относить слова, в значении которых присутствует эмотивная сема, содержащая информацию об эмоциональном отношении говорящего к действительности и окружающему миру. Понятие "эмосема" впервые появилось в работах В.И.Шаховского: "Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака "эмоция" и семных конкретизаторов "любовь", "презрение" "унижение" и др., список которых открыт ..." [Шаховский, 2008: 43]. Это положение В.И.Шаховского вписывается в широкое понимание эмотивной лексики, данное выше.

Вначале философы и ученые сделали попытку классифицировать сами эмоции и, соответственно, лексемы, их называющие. Так, Декарт считал, что существует только шесть основных базовых лексем, обозначающих эмоции: радость, печаль, удивление, желание, любовь, ненависть [Декарт, 1989: 501]. В отличие от Декарта, американский исследователь К. Изарт выделяет гораздо большее количество базовых лексем, которые обозначают эмоции: интерес, радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [Изарт, 1999: 102]. Таким образом, Изарт вслед за Декартом выделяет базовые лексемы, обозначающие эмоции, но расширяет при этом данный список.

По другому пути идут современные ученые: они классифицируют не сами эмоции, но эмотивную лексику. Представим два разных направления в создании классификаций эмотивной лексики. Так, В.И.Шаховский считает, что эмотивная лексика делится на 3 группы: 1. лексика со значением эмоционального состояния (рассердился; взбешен); 2. лексика со значением эмоционального отношения (любить, не любить). 3. лексика со значением эмоциональной характеристики (идиот, чадо, малыш, чертенок). Противопоставление семантики лексических единиц, отражающих эмоциональное состояние и отношение, имеет понятийную основу и выявляется на уровне имен эмоций. Например, страх передает эмоциональное состояние, а уважение - эмоциональное отношение.

Л.М.Васильев, выделяя в лексической системе русского языка эмотивную лексику, также делит ее на 3 группы, но эти группы отличаются от выделенных В.И.Шаховским: лексика со значением эмоционального состояния (сердиться, радоваться); лексика со значением эмоционального отношения (любить, ненавидеть); лексика со значением эмоционального воздействия (возмущаться, рыдать) [Васильев, 1981: 104].

Представляется более эффективным придерживаться классификации Л.М. Васильева, имея в виду, что каждый из разрядов выделенных им групп лексики может быть представлен лексемами, выражающими различные

эмоции. Например, лексика со значением эмоционального состояния может включать в себя лексемы, выражающие радость, печаль, гнев и т.д. Это утверждение касается всех разрядов эмотивной лексики в данной классификации.

Объединяя две рассмотренные классификации, мы в своей работе выделяем четыре группы слов, представляющих эмотивную лексику.

1. Лексика со значением эмоционального состояния. В эту группу входят слова, называющие эмоции: радость, боязнь, страдание, страх, удивление, вину, грусть, разочарование, стыд и др.

2. Лексика со значением эмоционального отношения. В эту группу входят слова любить, не любить, нравиться, не нравиться, надоесть, любовь. Среди этой группы выделяются две подгруппы: лексика со значением эмоционального отношения к человеку и лексика со значением эмоционального отношения к ситуации, действию или поступку. Эмоциональное отношение может быть положительным или отрицательным.

3. Лексика со значением эмоционального воздействия. Она делится на 2 группы в зависимости от того, сам субъект воздействует на кого-то или что-то или же он подвергается воздействию, когда воздействие на субъект осуществляется извне, со стороны кого-то или чего-то.

4. Лексика со значением эмоциональной характеристики. Эта подгруппа слов была выделена В.И.Шаховским как "голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*" в отдельную группу со значением эмоциональной характеристики (например, идиот, чурка, веселый и др.). Мы также считаем, что подобные слова составляют отдельную группу, однако учитываем при этом, что эмоциональная характеристика всегда будет тесно связана с лексикой, в значении которой выражается эмоциональное.

1.3.ЭМОТИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ

Проблема функционально-семантической категории эмотивности и средств ее выражения становится особенно актуальной в последнее время: в связи с новой антропоцентрической парадигмой лингвистики, в частности с той ее частью, которая охватывает способы выражения и обозначения эмоций в современном русском языке. Определяя эмотивность как семантическую категорию, многие исследователи акцентируют внимание на ее номинативном аспекте, другие считают более важным функциональный, рассматривая разноуровневые языковые и речевые средства ее выражения. Представляется важным изучить имеющиеся точки зрения, чтобы выяснить специфику категории эмотивности и ее отличие от других языковых категорий и единиц.

Терминологическое разнообразие в области эмотиологии, эмотивистики связано прежде всего с синонимичным употреблением терминов «эмоциональный» и «эмотивный». Известный исследователь эмотивной семантики языка В. И. Шаховский разграничивает эти номинации, рассматривая их в рамках понятийно-терминологического аппарата, обслуживающего различные научные дисциплины: лингвистику, с одной стороны, и психологию - с другой. В одной из своих работ ученый поясняет: «Эмотивный - то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность - имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [Шаховский, 2012: 43].

Несколько иной точки зрения придерживается Л. А. Пиотровская, которая определяет эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной действительности [Пиотровская, 2007: 42]. Функциональная значимость категории эмотивности признается большинством ученых. Имея в виду речевую реализацию функции эмотивности, в иной терминологии - эмоциональную, или экспрессивную функцию, Н. Б. Мечковская пишет: «если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое

отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная функция речи» [Мечковская Н.Б. 2000: с.18]. Однако вопрос о прямом выражении эмоций в речи не может быть решен однозначно. Эмоциональное отношение говорящего может быть имплицировано, либо выражено «в сложной иносказательной форме», на что указывает О. Е. Филимонова [Филимонова О.Е. 2001: с.10]. Кроме того, субъективно-психологическое отношение человека к содержанию высказывания может быть выражено языковыми средствами, не имеющими отношения к категории эмотивности, но актуализирующими, например, функционально-семантическую категорию персональности (вводно-модальные слова). Нельзя не согласиться с мнением В. И. Шаховского, который считает, что эмотивная функция языковых единиц определена способностью говорящего осмыслить и словесно выразить эмоции, т. е. осуществить выбор конкретной языковой единицы, содержащей эмоциональную информацию.

Строгое разделение смыслового и эмоционального в языке невозможно, на что указывает Г. В. Колшанский: «Поскольку высказывание всегда есть продукт мышления субъекта, оно изначально детерминировано как субъективный акт и по форме и по содержанию. Познавательный акт уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания... Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский, 1975: 142]. Таким образом, «оценочный момент» имеет когнитивный характер, тогда как эмоции представляют собой некогнитивную структуру знания.

Шарль Балли говорит о логической и эмоциональной доминантах речевого акта, которые находятся в неустойчивом равновесии друг с другом; однако, если та или иная доминанта окончательно вытесняет все противоположные элементы, то равновесие нарушается, в результате чего

появляются две возможности: аффективное содержание поглощается логическим (что имеет место в предложениях, союзах, вспомогательных глаголах) или логическое содержание поглощается аффективным (междометия) [Балли, 1961: 182-183]. Между этими крайними случаями находится область трудно расчленимых эмоционально-смысловых созначений, которые еще не были объектом специального научного рассмотрения.

Возвращаясь к вопросу о терминологии, отметим, что многие исследователи отождествляют эмотивную и экспрессивную функции языка. В работах Р. Якобсона находим высказывание о том, что «экспрессивная» или «эмотивная» функция (*emotive function*) имеет целью выражение отношения говорящего к высказыванию [Якобсон, 1975: 350]. Однако существует точка зрения, согласно которой экспрессивная функция связана с выражением мысли, о чем пишет в своих работах В. А. Аврорин, разделяя функции языка и функции речи. Экспрессивную функцию языка ученый выделяет наряду с коммуникативной, конструктивной (функция формирования мысли) и аккумулятивной (функция накопления общественного опыта и знаний). Эмотивную же функцию, точнее, эмотивно-волеятативную, В. А. Аврорин считает функцией речи, вводя ее в ряд таких речевых функций, как сигнальная, номинативная, поэтическая, этническая и магическая [Аврорин, 2003: 276]. На наш взгляд, языковой характер категории эмотивности очевиден: существуют узуальные разноуровневые языковые средства, обладающие свойством эмотивности, о чем убедительно говорит В. И. Шаховский, характеризуя эмотивный компонент значения слова: «та семантическая доля, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию» [Шаховский, 1990: 102]. Эмотив, по мысли ученого, -это «языковая единица, превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [Шаховский, 1990: 103].

Эмотивом может быть не только аффикс, слово, фразеологизм или предложение, но и текст, включающий эмотивы других языковых уровней.

Текст, обладающий признаками эмотива, эмоционален, так как эмоциональность есть выражение душевного переживания и чувств говорящего. Мысль об изоморфизме слова и текста высказывалась неоднократно. Этому мнению придерживался, в частности, Ю. М. Лотман, считая минимальными текстами комбинации морфем в словах или отдельных морфем. Об изоморфизме структуры значения слова и высказывания, о том, что в слове вычленяется идентифицирующее (или классифицирующее) основание (тема) и ассертивная часть (рема), в 1975 г. писал Ю. С. Степанов. В качестве такой ассертивной части может выступать эмотивно-оценочная коннотация, входящая в его семантическую структуру, т. е. эмотивный компонент значения, который выделяет В. Н. Телия, Е. М. Вольф, В. И. Шаховский и другие ученые.

Терминологическая путаница возникает, по нашему мнению, и тогда, когда эмотивная функция языковых единиц, способствующих созданию эмотивного речевого акта, называется эмоционально-экспрессивной, что мы находим в работах Н. Б. Мечковской. Принимая ее утверждение о том, что «основным средством выражения эмоций в речи является интонация», мы не можем согласиться с тем, что эмоции выражаются только «с помощью междометий и (значительно в меньшей мере) словами с эмоционально-экспрессивной коннотацией» [Мечковская Н.Б. 2000: с.18]. В терминологии происходит смешение психологических и речеведческих понятий, а также сужается сфера действия эмотивной функции, которая характерна для языковых средств различных уровней. Кроме того, интонация, как известно, создается за счет определенных синтаксических конструкций, прагматическая направленность которых и состоит в возможности выражения эмоционального отношения говорящего к содержанию высказывания (имеются в виду восклицательные предложения, риторические вопросы и т. п.).

Внимание лингвистов к коннотативному аспекту значения языковых единиц определило стремление к разграничению понятий «эмотивность» и

«экспрессивность» в семантических и стилистических исследованиях. Дискуссия, развернувшаяся в 1980-1990-е гг. в отечественном языкознании, показала, что позиции оппонентов, выступающих против синонимичности данных понятий, основаны на дихотомии языка и речи (В. Н. Телия, М. Н. Кожина, И. Р. Гальперин и др.). Эмоциональность, рассматриваемая как психолингвистическая категория, «находится в одном ряду с интеллектуальным и волевым», по мнению Е. М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук, 1985: 107], при этом именно эмоциональность (то же, что эмотивность) является компонентом структуры языковой единицы и не способна нейтрализоваться в контексте. Таким образом, делается вывод (и с ним отчасти нельзя не согласиться) о том, что эмоциональность проявляется в речи, но изначально присуща языковой единице. Однако как быть с теми языковыми единицами, которые актуализируют категорию эмотивности лишь в тексте, в речи, обладают потенциальной эмотивностью, и с теми, эмотивно-оценочный компонент семантической структуры которых все же имеет тенденцию к нейтрализации в контексте.

Экспрессивность как семасиологическую категорию, с точки зрения В. И. Шаховского, М. Н. Кожинной и других ученых, следует отличать от речеведческого понятия, или экспрессивности стилистической, которая трактуется как «наилучшая реализация языковыми единицами в речи ее коммуникативных задач» [Кожина, 1987: 13]. Уточняя понятие экспрессивности слова, В. И. Шаховский полагает, что она может идти от денотата (например, кляча) или от говорящего (например, драндулет), т. е. быть денотативной или денотативно-коннотативной. Примечательно, что экспрессивность как аспект семантики языковой единицы имеет ряд составляющих, которые, как нам представляется, можно квалифицировать как облигаторные коннотативные семы, реализующиеся полностью или частично в речи: интенсивность, оценочность, образность, эмотивность.

Имея в виду прагматический аспект понятия экспрессивности, исследователи (В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, Е. М. Галкина-Федорук и

др.) утверждают, что основой теории экспрессивности является понятие выбора. Экспрессивность языковых единиц, в том числе и текста, определяется оппозицией к нейтральным компонентам, которая реализуется в речи. Представляется, что такое понимание экспрессивности как результата употребления эмоциональных языковых единиц в речи, вполне объясняет ее синонимичность понятию интенсивности.

По мнению В. И. Шаховского, языковые средства выражения категории эмотивности представляют собой определенную систему, поле, в центре которого располагаются разноуровневые элементы, в семантике которых преобладает эмотивно-оценочный компонент. Думается, на периферии могут находиться единицы, обладающие потенциальной эмотивностью, а также те эмотивы, компоненты коннотации которых могут нейтрализоваться в контексте. Это предположение не противоречит системоцентрическому подходу к анализу языковых явлений, так как предполагает полисистемный анализ языкового материала. Этот анализ имеет первостепенное значение в разработанной А. В. Бондарко модели функциональной грамматики. Именно «системно-интегрирующий на функциональной основе» [Бондарко, 2004: 7], или полисистемный анализ, охватывает элементы разных уровней и аспектов языка. Этот тип анализа лег в основу выделения функциональносемантических полей, в составе которых выступают разноуровневые единицы, классы и категории, объединенные общностью семантических функций. Базой для такой общности является семантическая категория. Категория эмотивности отвечает всем названным критериям, на что указывал в своих работах

В. И. Шаховский: «Эмотивность, несомненно, является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем ее признакам: общность семантической функции - выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов (эмотив-ность, как установлено, имеет формальное выражение на всех «этажах» языка - фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом,

фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение - центр - периферия и пр.» [Шаховский, 2008: 112-113]. Ученый рассматривает категорию эмотивности на уровне лексико-семантического поля, которое, по его мнению, является одной из микросистем функционально-семантического поля эмотивности.

Эмотивность достаточно полно исследована именно на лексическом уровне языка, хотя в вопросе определения специфики эмотивного компонента в семантической структуре слова существует несколько точек зрения. Большинство ученых считает, что эмотивная сема является компонентом коннотации и лишь сопутствует денотативному компоненту значения слова (Стернин, 1979; Шаховский, 2008; Вольф, 2006 и др.). Однако объем понятия «коннотация» в разных концепциях варьируется. Некоторые лингвисты (Филиппов, 1978; Стернин, 1979) относят к коннотации эмотивный и стилистический компоненты значения слова, другие - только эмотивный компонент (Ризель, 1978).

Исследования средств актуализации категории эмотивности на синтаксическом уровне связано с коннотативным значением высказывания, которое наслаивается на его семную структуру (Вольперт, 1979, Пиотровская, 1993). Еще Шарль Балли отмечал принадлежность эмотивного значения модусу высказывания, т. е. включал его в категорию субъективной модальности [Балли, 1961: 43-54].

В современной лингвистике термин «эмотивность» используется и как синоним понятия «оценочность». Рассматривая оценку как модальность, Е. М. Вольф выделяет признаки оценочного отношения субъекта к объекту: «Эти признаки следующие - «эмотивность», или оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо/плохо» [Вольф, 1985, 12]. Е. М. Вольф считает, что в большинстве случаев эмотивность как аспект оценки неотделима от обозначения свойств объекта, отношения субъекта к объекту: «Эмотивность выступает на первый план в оценочных выражениях типа Какая прелесть!, в высказываниях, включающих аффективные слова вроде

прекрасный, отличный, скверный, дрянной. Большинство слов-оскорблений также включает прежде всего эмотивный компонент оценки: Так, болван! - в первую очередь говорит об отношении говорящего к объекту оценки, а не о свойствах последнего. Важно, однако, подчеркнуть, что эмотивность имеется во всех оценочных выражениях, отражая присутствие в них субъекта.» [Вольф 1985: 38-39]. Таким образом, ученый делает весьма важный, на наш взгляд, вывод о том, что эмотивность всегда одновременно выражает и оценочность, т. е. средства актуализации категории эмотивности являются одновременно и способами выражения оценки. Однако оценка может включать и рациональный компонент, причем он преобладает, если в высказывании используются предикаты мнения. В этом случае эмотивность нейтрализуется, даже если используются аффективные слова, слова с эмотивным компонентом семантики (ср. Какой отвратительный тип! -Я считаю его отвратительным). Та же точка зрения на эмотивность изложена в работах Т. В. Романовой, которая пишет: «Конкретные эмоции человека являются большей частью аксиологически релевантными, а слова, их манифестирующие в языке, носят оценочный характер» [Романова, 2008: 129].

По мнению Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечая, эмотивность имеет как узуальный, так и ситуативно-речевой характер. В качестве аргументов ученые приводят словарные толкования эмотивов (например, рыло (о лице), дружище и т. п.), их употребление в речи и восприятие как эмотивных носителями языка вне контекста [Буянова, 2006: 46]. Иную точку зрения находим в работах Н. А. Лукьяновой, которая считает, что эмотивность может не иметь языкового статуса, но в контексте и в определенной речевой ситуации выражать эмоциональное отношение говорящего к предмету речи [Лукьянова, 1976: 60].

Представленные теоретические положения не противоречат сущностным свойствам семантических категорий, которые, по утверждению А. В. Бондарко, представляют собой «универсальные («надязыковые»)

константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках» [Бондарко, 2004: 23]. Таким образом, являясь основой поля, функционально-семантическая категория эмотивности - одна из коммуникативных категорий языка, важный компонент его прагматики, так как отражает субъективные смыслы и отношения говорящих. Коммуникативная доминанта в функционально-грамматических исследованиях актуализирует прагматические аспекты анализа категории эмотивности. «Эмотивность, - утверждает В. И. Шаховский, - является важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы - специальные средства всех этажей языка» [Шаховский, 2008: 5]. Выделяя две ипостаси эмотивности как функционально-семантической категории, основной функцией которой является выражение эмоций, ученый разграничивает прагматическую составляющую категории, связанную с субъективным отношением говорящего к объекту оценки, которая всегда экспрессивна, и эмотивность как компонент коннотативной семантики слова, высказывания, текста. Причем выделенные компоненты различаются онтологически: если эмотивность первого типа регулярно пересекается с функционально-семантической категорией оценочности и субъективной модальности, то эмотивность второго типа имеет узувальный характер и может актуализироваться или нейтрализоваться в речевом контексте.

Говоря о тесной взаимосвязи категорий оценочности и эмотивности, признаваемой большинством исследователей, следует определить сущность отношений между ними. В работах Е. М. Вольф (1985), В. Н. Телия (1986) эмотивность рассматривается как факультативная часть оценочности. Действительно, аксиологическая оценка по признаку хорошо/плохо не имеет отношения к выражению эмоций, так как является оценочным рациональным суждением. Если оценочное суждение выполняет воздействующую

функцию, то сами эмоции, испытываемые говорящим, лишь сигнализируют о его внутреннем психологическом состоянии, его реакции на ситуацию.

Рассматривая эмоциональность как текстовую категорию наряду с модальностью и оценкой, Т. В. Романова относит эмоциональную оценку к составляющим субъективной модальности, утверждая, что «модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире» [Романова, 2008: 16]. Нельзя не согласиться с такой трактовкой категории модальности, хотя представляется более логичным сравнение с модальностью как категорией языка не эмоциональности как психолингвистической, а эмотивности как языковой категории, в функции которой и входит выражение эмоционального отношения к предмету речи и объекту оценки. Значимым является утверждение ученого о дифференциации двух видов текстов: цель одного - выражение эмоций, это эмотекст, т. е. эмотив (по В. И. Шаховскому), цель другого - эмоциональная оценка. Причем понятие эмоциональной оценки связано, по мнению Т. В. Романовой, с описанием чувств-отношений или чувств-состояний, так как в этом случае эмоции выражены опосредованно.

По мнению Г. П. Немца, причиной, вызывающей эмоции более или менее высокого порядка, которые несут информацию о внешнем мире, является не физический объект, а оценочное суждение о нем. Это утверждение дает автору основания для трактовки эмоций как суждений [Немец, 1989: 243-244]. Такое положение, на наш взгляд, верно лишь для тех эмотивных высказываний, которые не являются непосредственной реакцией

на ситуацию, но имеют опосредованный характер, отчасти рационалистический, более осознанный. Аффективные речевые акты, в которых реализуется эмотивность первого типа (по В. И. Шаховскому), как представляется, не всегда предполагают когнитивный процесс оценивания и формирования суждения.

Эмоции преимущественно импульсивны, поэтому не требуют осмысления при восприятии. Эмоциональность в непосредственном дискурсе как динамической структуре диалогического взаимодействия может иметь лишь паралингвистические средства выражения (мимика, жесты), которые интерпретируются как особая знаковая система, отражающая эмоциональный сценарий и опирающаяся на конкретную коммуникативную ситуацию. Нельзя не согласиться с исследователями когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [Ортони, 1996: 318]. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. При этом в каждой конкретной эмоциональной ситуации, в отличие от коммуникативной ситуации, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. Более того, чем выше степень истинности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции. Кроме того, когнитивный момент в эмоциональном сценарии не является «неизбежно осознанным». Условие существования эмоции - ее непреднамеренность. Вопрос о восприятии эмоционального состояния в коммуникативной ситуации, по нашему мнению, менее всего связан со способом репрезентации эмоций (вербальным или паравербальным).

Подводя итоги анализа терминосистемы эмотивистики, следует признать, что эмотивность как функционально-семантическая категория не

нашла в известных исследованиях полного и адекватного самой проблеме отражения. Терминологическое разнообразие в системе средств выражения категории эмотивности и в номинации самой категории связано с различными подходами к исследованию, что и определило синонимичность понятий «эмотивность» - «эмоциональность» - «экспрессивность» - «оценочность» - «модальность». Само понятие эмотивности, помимо основного статуса - языковая, функционально-семантическая категория - рассматривается учеными то как семантическое свойство, присущее языку, то как функция языковых единиц, то как компонент коннотативного значения, то как речеведческое понятие.

Представляется важным утверждение, что эмотивность как функционально-семантическая категория языка, выражающая, а не описывающая эмоции человека, актуализируется в речи посредством ядерных и периферийных компонентов, расположенных на разных уровнях языковой системы, т. е. является базовой категорией для формирования функционально-семантического поля, исследование которого остается актуальной задачей эмотиологии.

1.4. СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ЭКСПРЕССИВНОСТЬ»- «ЭМОТИВНОСТЬ»-«ОЦЕНОЧНОСТЬ» И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Эмотивность - "это языковая категория, представляющая собой имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции" [Шаховский, 2008: 69]. У эмотивности есть два плана: план содержания и план выражения, через них проявляются эмоциональные отношения или состояния говорящих. Экспрессивность - это "эмоциональное и квалификативно-оценочное отношение и социальная реакция" [Телия, 1980: 30] Экспрессивность проявляется на всех уровнях языка, речи, и текста. Экспрессивность может быть оценочной и неоценочной, эмотивной и неэмотивной. Экспрессивность является одним из компонентов денотации,

как считает В.И.Шаховский, например, с его точки зрения, экспрессивность слова связана со значением и типом денотата. Так, экспрессивность слова "кляча" связана с денотатом, с понятием типа лошади, знаком которой является немощность [Шаховский, 2008: 68]. Эмотивность может быть представлена в виде чувств субъекта (говорящего), которые выражены без желания или намерения какие-либо образом воздействовать на объект (слушающего). Экспрессивность же напрямую связана с коммуникативным актом, в котором она выступает "как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи". Таким образом, экспрессивность всегда предполагает наличие адресата, а проявление категории эмоциональности не обязательно связано с наличием адресата. У оценочности есть два знака: «плюс» и «минус», она может быть рациональной и эмоциональной, экспрессивной и неэкспрессивной. В современной лингвистике эмотивность и оценочность определяются как категории взаимосвязанные, но их понимание различно: 1. «Оценочность и эмотивность составляют нерасторжимое единство» [Лукьянова, 1986: 12]; 2. Компоненты «эмотивность» и «оценочность» рассматриваются как «часть и целое» [Вольф, 1985: 36].

В языке выделяются различные виды оценок: положительные и отрицательные; эмоциональные и рациональные; общие и частные; абсолютные и компаративные и др. (Васильев 1981; Вольф 1985). Поскольку говорящий (субъект) характеризуется определенным отношением к объекту, любая оценка является результатом взаимодействия субъекта и объекта оценки. Некоторые исследователи называют субъективный аспект оценки эмотивностью [Вольф, 1985: 37]. Чтобы разграничить категории эмотивности, оценочности и экспрессивности, в языке выделяются слова с эмотивным значением (названия эмоций), слова с эмотивным компонентом значения (коннотативы, экспрессивы) и слова с оценочным значением (общеоценочные лексемы типа хороший, плохой, противный,

очаровательный), а также слова с оценочным компонентом значения (кляча, барахлить).

Тема данной работы предполагает исследование эмотивной лексики, а это значит, что мы будем анализировать в романе А.П. Степанова «Тайна» слова с эмотивным значением и слова с эмотивным компонентом значения. При этом мы разделяем точку зрения В.И. Шаховского, который выделяет эмотивность в качестве коннотативного компонента значения, а экспрессию и оценку рассматривает как компоненты денотации [Шаховский, 1983: 68].

1.5. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: СТРУКТУРА И СОСТАВ

Говоря о структуре лексико-семантической группы, стоит отметить, что в структуре ЛСГ выделяется ядро и периферия. В ядро ЛСГ входят слова нейтральные по стилистической окраске и наиболее общие по значению. На периферии же находятся лексические единицы с наибольшим числом дополнительных дифференциальных сем: это могут быть специальные слова (термины), а также слова с коннотативным элементом значения.

Как сказано выше, мы рассматриваем семантическое поле как иерархическую структуру «множества лексических единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу». Особенности семантических полей мы видим в том, что они более обширны и разнообразны по составу, чем, лексико-семантические и тематические группы. Понятийное основание лексико-семантического поля позволяет включать в его состав номинации, имеющее разное лексико-грамматическое оформление в языке, таким образом, семантическое поле может формироваться из слов как одной, так и нескольких частей речи [Новиков, 1991: 11].

Для всех семантических полей характерна принципиально общая структура: в поле выделяется своеобразное ядро и центральная часть, а также периферия; его единицы в пределах «сфер» семантического поля оказываются закономерно связанными различного рода повторяющимися,

регулярными отношениями; такие единицы нередко дифференцируются и стилистически. Семантическое поле характеризуется значительной гибкостью границ, поскольку в нем есть центральная и периферическая часть.

Семантически более простые единицы поля находятся в непосредственной близости от центра, служат идентификатором, на основе которого выделяются семантические классы единиц с более сложной семантической структурой и стилистическими характеристиками. Самые сложные по семантике элементы поля расположены на его границе [Абрамов, 2003: 266].

Единицы функционально-семантического поля эмотивности объединяются на основе абстрактной категориально-лексической семы эмотивности, которая содержится в значении всех членов поля.

В рассматриваемое нами функционально-семантическое поле эмотивности включаются:

1. лексико-фразеологические единицы, непосредственно обозначающие эмоциональные состояния, переживания субъекта;
2. наименования таких эмоций, как любопытство, удивление и так далее, которые могут рассматриваться как интеллектуальные [Муллинова, 2004: 135].

Организация функционально-семантического поля эмотивности представляет собой выделение семантических классов эмотивов, которые различаются по семантическому признаку «форма эмоционального явления». Васильев выделяет три класса глаголов чувств: 1. предикаты эмоционального состояния (сердиться, радоваться); 2. предикаты эмоционального переживания (мучиться, страдать); 3. предикаты эмоционального отношения (любить, ненавидеть). Однако семантическая и формальная близость глаголов эмоционального состояния и переживания, характеризующихся лишь «иным акцентом обозначения» эмоций, позволила другим

исследователям объединить такие лексические единицы в класс эмоционального состояния [Васильев, 1971: 123].

Семантическое поле художественного текста - это «особая категория, основным компонентом которой является авторский смысл». Семантическое поле художественного текста - это «сложная, иерархически организованная система семантических микрополей, образующих единое СП текста. Объединение СП в структуре художественного текста обусловлено коммуникативными установками автора» [Абрамов, 2003: 203].

Художественный текст как сложно организованная система включает функциональные лексико-семантические сегменты - семантического поля, микрополя, формально и семантически организующие текст. Необходимо учитывать, что в художественном тексте языковой материал организуется в семантическое поле данного текста вокруг смыслового центра, обозначенного главной темой, идеей, образом произведения [Абрамов, 2003: 206].

Таким образом, мы считаем, что текст - это высшая форма системной организации, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора, обладающая композиционным, семантическим, прагматическим единством, обработанная в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка. Художественный текст понимают как особым образом организованную языковую индивидуальную динамическую систему, всю сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение.

1.6. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В настоящее время лингвисты и литературоведы уделяют большое внимание роли эмотивной лексики в структуре художественного произведения. Функции, которые выполняет эмотивная лексика в художественном тексте, следующие: коммуникативная; эмотивная и экспрессивная; прагматическая [Шаховский, 2008: 203]. Реализация каждой

из функций позволяет решить в художественном произведении следующие задачи: создание психологического портрета персонажа, представление эмоциональной интерпретации мира, изображенного в тексте (как со стороны героев, так и со стороны автора), его оценка, выявление внутреннего эмоционального мира образа автора, а также эстетическое воздействие на читателя произведения.

Специфические и эмоциональные условия коммуникации и намерения коммуникантов определяют семантику слова. Через эмотивную лексику можно понять человеческую психику и его внутреннее состояние, она помогает объяснить, раскрыть и понять сущность человеческой личности персонажа произведения.

Эмотивная лексика всегда тесно связана с человеческой индивидуальностью, то есть она отражает структуру индивидуального сознания и удерживается в его эмоциональной памяти.

О специфике слова в художественном тексте писали В.И. Шаховский, Л.Г. Бабенко, В.К. Вилюнас, Д.Н. Шмелев и другие исследователи. Они подчеркивали, что слово в художественном тексте, благодаря особым условиям функционирования, включает в себя дополнительные смыслы. Игра прямого и переносного значения порождает эстетический эффект художественного текста, делает этот текст образным и выразительным. Любой текст потенциально способен оказывать воздействие на читателя благодаря своей экспрессивности, поэтому многими учеными признается, что неэкспрессивных текстов не существует. Некоторые исследователи (А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев) считают, что важнейшим источником эмотивности текста является его содержание. Эмотивный текст, по мысли Л.Г. Бабенко, представлен двумя уровнями - уровнем персонажа и уровнем автора: «Целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций. В образах персонажей можно обнаружить множество эмотивных смыслов. Совокупность эмоций в тексте (в образе персонажа) - своеобразное

динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами» [Бабенко, 1989: 124]. Художественный текст формируется образом автора и его точкой зрения на объект изображения. Автор произведения всегда старается указать читателю, как ему следует воспринимать героя. В разных произведениях художественной литературы, в зависимости от замысла автора, возможно преобладание то одного, то другого эмоционального свойства персонажа. В этом смысле показательными являются, например, произведения Л.Н.Толстого, в которых характеристика персонажа часто представлена эмотивной лексикой. Автор разделяет с её помощью положительных и отрицательных героев.

В целом, в художественном тексте для описания внутренних переживаний героев могут использоваться различные средства, например, интонационные, морфологические, синтаксические, стилистические, лексические. Однако ведущая роль в раскрытии эмоциональных состояний персонажей принадлежит именно последним, поскольку они помогают воплотить не только конкретный авторский замысел, но и индивидуально-авторскую концепцию мира в целом, в том числе и представления об эмоциональном мире человека. Именно поэтому предметом нашего исследования являются лексические эмотивы в романе А.П.Степанова «Тайна».

ГЛАВА АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ» В РОМАНЕ А.П.СТЕПАНОВА «ТАЙНА»

2.1. ЭКСПЛИЦИТНОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВОВ «ЛЮБОВЬ» И «НЕНАВИСТЬ» В РОМАНЕ

Эксплицитным, или явным, является то, что имеет свое собственное, полное непосредственное словесное выражение. Как писал К.А. Долинин: «значение или эксплицитное содержание высказывания (текста) – это содержание, которое непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено. Эксплицитное содержание – это то, что сказано «открытым текстом». [Долинин, 2005:6]. Имплицитным, или не явным, является то, что не имеет такого словесного выражения, но подразумевается под эксплицитным, выражается и постигается адресатом при помощи эксплицитного, а также контекста и других факторов. Эксплицитное и имплицитное – это две в некотором смысле противоположные формы выражения мысли. Как пишет В.Х. Багдасарян эксплицитными и имплицитными бывают только мысли, а не языковые единицы.

Поэтому вопрос об эксплицитном и имплицитном выступает как существенный аспект вопроса о соотношении мышления и языка. Действенность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения, точнее, на том, что адресат уже затратил на ее получение дополнительные интеллектуальные усилия. А то, что дается человеку с трудом, представляет для него – чисто психологически – куда бóльшую ценность, чем «поданное на блюдечке» [Баранов, 1990: 16].

2.1.1. ЭКСПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «ЛЮБОВЬ»

В разные периоды развития философии и культуры, любовь как явление духовной, культурной и социальной жизни людей интерпретировалась по-разному. Разработанная терминология различных

типов любви существовала

древне-греческом языке:

«**Эрос**» - это стихийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность, направленная на плотское или духовное, но всегда смотрящая на свой предмет «снизу вверх» и не оставляющая места для жалости или снисхождения.

«**Филия**» - это любовь-дружба, любовь-приязнь индивида к индивиду, обусловленная социальными связями или личным выбором.

«**Сторге**» - это любовь - привязанность, особенно семейная.

«**Агапе**» - жертвенная и снисходящая любовь «к ближнему» [ФСЭ, 2004: 459]. Рассуждая о любви своими словами, мы можем сказать, что любовь чрезвычайно многообразна, она имеет многие виды и формы. Можно говорить об эротической любви и любви к самому себе, любви к человеку и к Богу, любви к жизни, родине и т.д. Любовь - это один из способов понять суть другого человека. Существует множество типологий определений любви, причем как общепринятых, так и индивидуально-авторских. В восприятии каждого отдельно взятого человека это понятие воспринимается по-разному, отсюда и различное отношение к этому феномену. Чтобы как-то свести в единое понятие все эти представления о любви, обратимся к существующим словарям, потому что для анализа данного мотива нужно в первую очередь осмыслить и усвоить все значения этого слова, которые могут нам дать словари. В Толковом словаре живого великорусского языка, термин любовь (церк. любви, род, любовь) трактуется как: состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделение, охота, расположение к чему-нибудь, сильное желание, хотение; избрание и предпочтение кого или чего по воле, волей (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно. Любовь безумит. Божья любовь безгранична. Союз истины и любви рождает премудрость. Покоряй сердца любовью, а не страхом. Божья любовь человеческой чета. Любовь человеческая себя любит, а Божеская друга. Нет выше той любви, как за друга душу свою полагать. Где

любовь, там и Бог. Не дорог подарок, дорога любовь. Старая любовь долго помнится и т.д. [В.И.Даль, ЧП, 1998, с.282]. Словарь русского языка XI-XVII веков раскрывает значение слова «любовь» как:

1. Любовь, привязанность, благосклонность к кому-либо. Да любы, еси възлюбиль, въ нихъ будеть. (Ио. XVII/ 26) Остр. ев., 52 об. 1057 иссякнетъ любы твои къ бу. Ч. Николы, IV, 28. XIV в.(1325): Иже бо имъеть всъмъ любовь, таковыи бес труда спасетя (по вар. Новг. I лет ., 322. Упредивленный мужъ пресловущий великую къ моей худости любовь имьяше; тако азъ... учащахъ бесъду къ нему. Посл. Епиф., 4. XVII в. 1415 Имеи... истинную правду и любовь нелицемърную всъм осуждаи никого чемъ, свои гръхи рассуждаи, како избыти ихъ, чево самъ любишь того и другу не твори. Дм. К. (Посл. Сильв.), 63. XVII в.

2. Склонность, пристрастие, приверженность к чему-либо. Усушааше руку свою скупостию любовию злата. Гр. Наз. XI Любве (вар. XV-XVI вв.: любы) ради святыхъ мествъ сихъ, исписахъ все, видъхъ очима своима. Х. Дан . иг., 3. 1496 г - 1113 г.

3. Обычно мн. Вечери любви, общие трапезы у древних христиан. Яко не под<о>бает недлю въ црквах глемьи любве творити и внутрь дому ясти постеля стлати. Корм. Балаш., причетници мирстии члци позваии бывше любов<ь> сиръч нъким другом на трапезу, части отселе дома своя вземлют. Там же.

4. Страсть, влечение к лицу другого пола. будеть женитва свътля примъсьна любьви скврнавъ. Нав., XIв. Который члкь... сухаго и горячего естества, той есть дерзъ храбръ имать любовь всикия жены и непостоянен в любви. Луцид., XVIIв.-XVIв. Сльпая любы срдце ся вльпитъ того охромить, ослъпитъ. Сим. Послов., 214. XVII-XVIIIвв.

5. Мир, согласие; мирный договор.(912): На удержание... межи христианы рус<ь>ю бывъшюю любовь. Лавр. лет ., 33.(996): бъ жива съ князи околними миромъ... бъ миръмежю ими и любы. Там же, 126. (1145):

Ходиша русска земля Галиць... ходиша Новагорода помочье кыяномъ...
воротися съ любовью. Новг. I лет., 136 [СлРЯ XI-XVIIвв., 1981г, с.330].
Продолжая исследование, мы находим в словаре языка Пушкина следующее
значение слова «любовь»:

1. Чувство привязанности, симпатии, расположения к ком у-, чему-н.
(44). Любовь и дружество до вас Дойдут сквозь мрачные затворы, Как в ваши
каторжные норы Доходит мой свободный глас [СЗ 25.9]. Подражание
французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству
казалась педантством. Два чувства дивно близки нам – В них обретает сердце
пищу-Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам [СЗ
173.3,4.]. Тебе кажется Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь
старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта
трогательного простодушия. Пс. 131.47. Воротынский.— он умел и страхом
и любовью И славою народ очаровать. В назв. Сыновняя Любовь (о драме
французского писателя 18в. Ф. де-Фольбара *honnete criminal*): Во время
самых жестоких периодов революции, что представлял театр? Сцены
человеколюбивые и чувствительные, как например: Женщины, Сыновняя
Любовь Ж 2 53.42. \встречать, идти с любовью: объяви от меня губернатору
и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им
встретить меня с детской любовью и послушанием; КД 334.28. Пушкин
амвоне). Московские граждане Димитрий к вам идет с любовью, с миром. БГ
XXII 12.\\ О любви как добродетели, предписываемой христианской
моралью. Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья, да брат мой от меня не
примет осужденья, И дух смирения, терпения, любви И целомудрия мне в
сердце оживи. СЗ 263.15. Пимен. И плакал он. А мы в слезах молились, Да
ниспошлет господь любовь и мир Его душе страдающей и бурной. БГ V 123.
Вошла, взирает с изумленьем... И тайный страх в нее проник. Лампады свет
уединенный, Кивот печально озаренный, Пречистой девы кроткий лик И
крест, любви символ священный. БФ 315. каламб. употр. Желая ему в
Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и

терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет. Пс. 20.39. \ \ О том, что вызывает к себе чувство глубокой привязанности, симпатии (в знач. сказ.). В моей изменчивой судьбе, Твоя печальная пустыня, Последний звук твоих речей О дно сокровище, святыня, Одна любовь души моей. П. Посв.16.

2. Чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола(547). Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем; СЗ 131.1. Он стар. Он удручен годами, Войной, заботами, трудами; Но чувства в нем кипят, и вновь Мазепа ведаёт любовь. П I 44.

3. Склонность, расположение, пристрастие к чему-н.. Негодование, сожаленье, Ко благу чистая любовь, И славы сладкое мученье В нем рано волновали кровь. ЕО II 9.2. Сальери— О небо! Где ж правота, когда священный дар, Когда бессмертный гений- не в награду Любви горячей, самоотверженья, Трудов усердия, молений послан- А озаряет голову безумца, Гуляки праздного?... МС I 63. Итальянец при сем случае обнаружил такую дикую жалость, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому ЕН 270.24. хотел я связаться с вами на письме, не из одного самолюбия, но также из любви к истине. Пс. 34.6. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной Музе Баратынского. Пс. 65.10. И с каждой осенью я расцветаю вновь; Здоровью моему полезен русской холод; К привычкам бытия вновь чувствую любовь: СЗ 221.59 [СЛЯП, Т.II, 2000, с. 549].

В словаре Академии Российской понятие «любовь» характеризуется следующим образом, «Склонность душевная к другому, побуждающая нас в благополучии его находить услаждение; приверженность, привязанность, прилепленность к кому или к чему. За премногую любовь свою, ею же возлюби нас. Ефес. 2.4. Над всеми же сими стяжите любовь. Колос. 3.14. Любовь ближнему» [САР, Ч.III, 1814, с. 649].

Таким образом, обзор словарных статей позволяет выделить 4 ведущих признака представляющих понятийную основу эмотива «любовь»:

1. Чувство глубокой сердечной привязанности к кому-либо, чему-либо (л. к родителям, л. к близким, л. к родине, л. к Богу).
2. Влечение к лицу противоположного пола (л.-страсть, половая л.).
3. Внутренняя склонность, пристрастие, тяготение к чему-либо (л.-потребность).
4. Расположение, симпатия к кому-либо.

В романе А.П.Степанова «Тайна» эмотив «любовь» выражен как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитное выражение данного эмотива представлено в следующих семантических компонентах: «чувство глубокой привязанности к Родине», «чувство, основанное на влечении к лицу противоположного пола», «любовь, как проявление христианских заповедей», «чувство любви к природе».

Поле вербализаторов эмотива «любовь» в тексте А.П. Степанова обширно. В качестве репрезентантов данного эмотива рассматривались абсолютно все единицы, извлеченные из данного текста. В ходе исследования был использован метод моделирования семантического поля, позволяющий рассмотреть максимальное количество единиц (около 200), репрезентирующих эмотив «любовь», выявить семантические отношения между ними.

В нашем исследовании ядро семантического поля составляет лексема «любовь» [около 40 употреблений] в значении сильного сердечного чувства, основанного на влечении к лицу противоположного пола. Исследуя реализацию данной лексемы в тексте, мы можем представить следующие контексты, вербализующие данный эмотив: *«Любовь твоя благороднее моей, ты без всякой корысти дал мне увидеть свет, переродил меня и если буря снова забушевала в сердце твоём, так все-таки это не любовь, но одно желанье, преступное желанье»* [Ч. 1: 110]; *«О ! Грандиозети! я знаю тебя! — у тебя любовь не тихое глубокое озеро, не быстрый гремучий источник; но тысяча быстрых гремучих источников, слитых в один бурный поток»* [Ч. 4: 140]; *«Любовь! любовь! ты возродила мою жизнь, открыла мне прелесть*

незнакомых прежде наслаждений, привела меня к источнику счастья. И Любовь стояла перед ним, в темноте едва приметная. Ольга! хотел вскрикнуть он и со словом: любовь! держал уже ее в своих объятиях» [Ч. 2: 68-69]; «Любовь к Вячеславу горит в сердце ее, как амбра в богатой курильнице. Огонь раскаляет его и запах аромата разливается по всему ее составу. Пламя сердца просвечивается чрез прозрачную белизну ее щек. Кажется, заметно, как оно изменяется: пышет ли в разгаре, или тихо теплится. Любовь наводит на всю наружность ее прелесть неизъяснимую, даже разливает счастье на окружающих ее» [Ч.1 : 132]; «Скажи мне, чародейка, откуда взяла ты чары? как составляла их? как умела ты пролить во все существо мое неизъяснимое чувство смерти и жизни? как вытянула ты из меня всю душу мою? О! ты не Ольга, ты — любовь!» [Ч. 2: 40]; «Разве можно видеть любовь, разве нужны глаза, чтоб ею наслаждаться? «Да! Ольга! нужны. Моими глазами я пью любовь в твоих глазах. Я вижу в них твою любовь ко мне» [Ч. 1: 184]; «Да, продолжал он, любовь моя нашла могилу, но в ее сердце, и к удивлению моему, возродилась во мне, после брака, с новою силою» [Ч. 2: 26]; «О! если бы я был вашим мужем, я бы вас научил и как научил! Никакому Овидию не уступил бы я в науке любви! Сколько различных наслаждений доставил, бы я вам!» [Ч. 2: 8]; «Он толковал ей, что истинное счастье человека заключается в любви и толковал систематически, как добрый классик» [Ч. 2: 138]; «Любовь молчала; но Вячеслав слышал ее рыданье» [Ч. 2: 110]; «Любовь!» вскрикнул невольно Басенков» [Ч. 4: 63]; «Басенков, я для вас более не Любовь и не Ольга, — отвечала она отрывисто дрожащим голосом» [Ч. 4: 63]; «А ежели сердце ваше наполнится любовью, можете ли вы тогда сообщить счастье другому?» [Ч. 2: 107]; «Любовь! небесная Любовь! вскрикнул Георгий, будь мне женою!» [Ч. 2: 107].

Также в тексте А.П.Степанова мы видим проявление любви, как нечто таинственное, непостижимое: «Если делается ему понятною любовь беспредельная, бесконечная, не ограничивающая себя ни минутным

награждением, ни даже краткими пределами человеческой жизни; тогда нельзя ему не иметь отвращения ко всему тому, что противоположно сей любви» [Ч. 3: 45]; «Любовь! шептал он ей, Любовь! что за тайна между нами? Бойся ее! В ней-то растет разрывтрава связей супружеских». Чем больше стараюсь проникать в тайну твою, тем более запутываюсь, тем беспорядочнее бьется сердце мое, тем более смуты в чувствах и наслаждениях. Любовь моя, огонь жизни всего моего бытия! Придет ли для меня время света и счастья нетуманного? Придет ли оно когда-нибудь? О! скажи, моя подруга, моя жена!» [Ч. 2: 110].

Любовь между мужчиной и женщиной может выражаться в крайней форме - страсти: «Басенков освежился. Любовь его к Ольге приняла характер страстной любви супружеской, которая в человеке, с постоянством и верностью, возвышается разлукою» [Ч. 3: 9-10]; «Он выучил уже язык понимал на нем любовь свою и о слове не было уже ни полслова» [Ч. 2: 110-111]; «Чему дивитесь Она одна из тех женщин, у которых любовь есть ничто иное, как упрямая прихоть сильной страсти» [Ч. 3: 50]; «Я живу для собственного моего удовольствия; я эгоист в любви» [Ч. 2: 176]; Неоднократно автор акцентирует наше внимание на том, что любовь в романе отображена, как «проявление христианских заповедей «возлюби Господа Бога..., и ближнего твоего...».

«После обедни, пошла она к Игуменье и разговаривая с нею о том, о другом, навела разговор о любви к Творцу» [Ч. 2: 190]; «Любви, одной любви желать надо: она одна составляет чистое блаженство, все другое будет прикладным. Так, например: любовь к Творцу и ближним составляет познание истинное, науки прикладное» [Ч. 3: 24]; «Его любовь, через неограниченное могущество и высочайшую премудрость недоступная для дерзкого, гордого и слабого человеческого ума, снизошла на землю в видимости, как вся вселенная пришла из невидимости в видимость по одному слову Его, что эта небесная любовь открыла пути истинные» [Ч. 4: 134-

135]; *«Любовь братская лучше каменных стен. Любовь кольцо, а у кольца нет конца»* [Ч. 3: 42-43].

А.П.Степанов устами героини своего романа выражает любовь, как восхищение красотой природы:

«Я бы хотела только со всем порывом пламенной души обнять природу, меня окружающую. Чувство любви моей к простой природе, заставляет находить в ней все изящное, все премудрое, все богатое и, если хочешь, все вкусное, чего ни какому раздражительному гению не удастся произвести» [Ч. 3: 114].

Для отображения любви, как чувства сердечной привязанности к Родине, важен следующий контекст: *«Мусорский...произнес тихо, с важностью: в ваших словах, Вячеслав Владиславович, проявляется сильная любовь к отечеству, и нет никакого сомнения, что вы докажете ее на деле...»* [Ч. 3: 27-28].

В околядерную зону входят слова, связанные парадигматическими и деривационными отношениями, установленные путем приема выборки: синонимы лексемы «любовь»: *влечение, привязанность, страсть, пристрастие, сострадание, жалость, возжеление, приверженность*; антонимы: *любовь – ненависть, полюбил – разлюбил, любить – ненавидеть*; дериваты: *любовь – полюбил – влюбился – любящие – разлюбил*.

Остановимся околядерной зоне ЛСП «любовь», которую образуют лексические единицы, вступающие в синонимические отношения в рамках контекста романа А.П.Степанова «Тайна».

Причина возникновения эмоции может быть самой разнообразной: доброе отношение к беженцам, восхищение какими-либо качествами человека и т.д.

В зависимости от причины, по которой возникает чувство, можно выделить несколько типов семантических отношений: «любовь, как романтическое чувство», «любовь, как проявление глубокого духовного чувства», «любовь, порождающая отрицательные эмоции», «любовь как

проявление христианских заповедей «возлюби Господа Бога..., и ближнего твоего...», «любовь к рыцарству».

Представление о «любви, как о романтическом чувстве» отображается в следующих контекстах:

«Ты меня не можешь и не должен так любить, как я тебя люблю, Вячеслав» [Ч. 1: 110];

«Может быть, если бы ты был то, что я, мы были бы счастливы, я умела бы тебя заставить любить меня, как я тебя люблю; но теперь на что это? чтоб тебя сделать не счастливым?» [Ч. 1: 111]»;

«Клянусь любить тебя как сестру, как друга! Я буду твой защитник, твоя подпора!» [Ч. 1: 108];

«О! Друг! воскликнул Басенков, какое наслаждение любить и быть любимому! Мне кажется, если бы она сделалась моею женою, то минута блаженства моего была бы минутой моей смерти» [Ч. 1: 150];

«Ольга!» вскричал Вячеслав и бросился в ее объятия. «Ах! как я люблю тебя, моя Ольга!» и громкий вздох его, казалось, отозвался за забором, так, что даже Ольга оборотилась» [Ч. 2: 10];

«Прежде я любил совершенно ее, как вещь постороннюю; теперь люблю ее как собственность свою» [Ч. 2: 26];

«Человеку любить себя свойственно и необходимо» [Ч. 2: 166].

«Он не мог не хотеть, чтоб Ольга его любила также пламенно, как он ее любит и в то же самое время, для собственного её счастья, он хотел, чтоб она его не любила; но мужественное желание его не исполнилось. Ольга любила» [Ч. 1: 130];

«Я готова исполнить все: умереть, ежели отцу угодно будет, но любя вас» [Ч. 1: 134];

«Он был неверен жене своей по причудам; но ее любил, как любимое свое кушанье, любимый кусочек» [Ч. 2: 170].

В тексте А.П.Степанова любовь репрезентируется, как глубокое духовное чувство:

«Теперь, сказал Вячеслав, мы будем любить друг друга, как духи. Для них нет векового пространства, но беспредельность и бесконечность» [Ч. 2: 145];

«Ежели он любит и балует свою низкую материальную натуру и стремится к ней всею силою своею, тогда эта любовь самого себя называется эгоизмом; ежели же он вспомнит, полюбит высокое, светлое, чистейшее происхождение свое и потянется к нему духом из навыков материи нечистой, темной, низкой; тогда эта любовь к самому себе называется самоотвержением» [Ч. 2: 166];

«Я считаю все требования начальства по службе долгом священными; я готов даже исполнять все требования, чьи бы то ни были, ежели только не страдает честь и совесть — к этому влечет меня желание быть любимым» [Ч. 1: 78];

«Кого мы истинно любим, для того мы жертвуем иногда своими прихотями» [Ч. 2: 97].

Любовь как проявление христианских заповедей «возлюби Господа Бога..., и ближнего твоего...»:

«Творец не может не любить своего создания»[Ч. 4: 134];

«Небесная любовь научила совершать ужасные испытания; определила разумение, научила подчинять ему силу страстей, научила спасать или приводить в гармонию падающую, расстроенную природу человека от соращения её с истинного пути по данной ему свободе наконец повелела любить врагов своих, как братьев» [Ч. 4: 134-135];

«Ох! Ольга, ежели бы все люди любили нас, как мы их любим» – «От чего же им не любить нас? они добры по природе» [Ч. 2: 8];

«Басенков знал, что надобно любить всех людей, как братьев, что надобно любить и врагов своих» [Ч. 4: 48];

«Мы ведь люди, мы любим сами себя, мы ищем средств к развлечению, к успокоению; мы из себялюбия по необходимости не допустим

себе врезаться в постоянное головокружение, в постоянный столбняк» [Ч. 4: 17-18].

Несмотря на то, что любовь раскрывается чаще, как чувство прекрасное и возвышенное, в данном контексте мы видим, что любовь порождает и отрицательные эмоции:

«Я вас любил, продолжал он; но ваше хладнокровие, ваше неприличное поведение удалили сердце мое от вас. За всем тем, я не хочу еще обнаружить ваше бесчестье и позволяю жить со мною, но соблюдая для света всю, по крайней мере наружную, благопристойность» [Ч. 2: 117];

Для выражения любви к наукам важен следующий контекст:

«Батюшка, отвечал сын, я люблю заниматься дома ученьем» [Ч. 1: 118].

Исследуя роман, мы выявили контекст, в котором выражена любовь к рыцарству:

«Я люблю рыцарей, сказал Вячеслав, их согласие меня восхищает. Они стояли за свой орден, стояли друг за друга, помогали друг другу. Они служили не лентясь, служили до мастистой старости» [Ч. 2: 186-187].

Любовь – страсть выражена в следующих контекстах:

«Он перешел весь в страсть» [Ч. 2: 110-111];

«Я люблю одну страсть, а не людей» [Ч. 4: 63].

Сыновняя любовь выражается в следующем контексте:

«Люблю! люблю! вскричал первый, так и надо! не помню уже, когда я видел, чтоб взрослые дети целовали руки у отца» [Ч. 1: 80-81].

Проанализировав эксплицитное выражение эмотива «любовь» в романе А.П.Степанова, мы можем сделать следующий вывод. В ядерную зону, представленную вышеописанными контекстами, входит около 40 употреблений данной лексемы. Околоядерную зону представляют контексты, в которых средствами номинации эмотива «любовь» являются существительные: *страсть* – 2, прилагательные: *любимому* эмотивные глаголы: *любить, люблю* – 18. Любовь описывается автором как чувство

прекрасное, возвышенное, имеющее большое значение как для героев романа, так и для самого автора.

2.1.2. ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «ЛЮБОВЬ»

Периферийная зона ЛСП «любовь» представлена имплицитным выражением данной лексемы. В романе А.П.Степанова «Тайна» мы встречаем контексты, имплицитно выражающие любви к людям:

«Ольга! друг мой! я сделаю все, что мне только прикажешь! Оленька! голубчик мой! дружочик мой! Не плачь! О! перестань раздирать душу мою тоскою!....» [Ч. 1: 31] в этом контексте любовь Басенков к Ольге, проявляется с помощью сочетаний слов: *друг мой голубчик мой дружочик мой* – 1.

«Ах! отвечала она, прижав обе руки его к груди: мне ли тебе приказывать? Я лишилась свободы повелевать собою. Вячеслав! я нарушила достоинство Христианки, я забыла себя! Мне ли тебе приказывать? Мне ли напоминать о долге, чести, о всем великом и высоком? Вячеслав! друг мой! Все мое в жизни! Моя надежда! Мое счастье! не забудь меня!» [Ч. 1: 31]. В данном контексте выражается любовь Ольги Басенкову с помощью сочетания слов: *друг мой в моей жизни моя надежда мое счастье* – 1.

«Владимир! ты мой пленник навсегда, по крайней мере пока Андамская не выйдет замужь. Отложи ВСЕ попытки; отбрось всю надежду выйти отсюда. Никакая рука посторонняя, никакие силы Правительства тебя не похитят у меня: ты мое заветное сокровище, тип моего существования; ты мое богатство мой клад, скрытый от мира моим сердцем...» [Ч. 1: 105]. В данном контексте выражается любовь Пашковой Зачемславскому с помощью сочетаний слов: *ты моё заветное сокровище тип моего существования ты моё богатство мой клад, скрытый от мира моим сердцем* – 1.

«Я обнимаю, — мне хочется обнять, прижать к груди моей все то, что принадлежит мне: каждую травку, дерево, ручей, пруд, холмы, поля, воздух и мое солнце. Я наслаждаюсь не многим, но всем...» [Ч. 1.: 113] – в этом контексте выражается любовь Татевой к деревне с помощью сочетаний слов: *я обнимаю мне хочется обнять, прижать к груди все то, что принадлежит* – 1.

«И ты не веришь, что я хочу остаться при тебе, жить всегда с тобой, не разлучаться ни на одну минуту, не спускать с тебя глаз, держать день и ночь за прекрасную руку? Ты этому не веришь?» [Ч. 1.: 145]. В данном контексте Зачемславский выражает ложное чувство любви к Пашковой с помощью сочетаний слов: *я хочу остаться при тебе не разлучаться ни на одну минуту не спускать с тебя глаз держать день и ночь за прекрасную руку* – 1.

Номинативной репрезентацией эмотива «любовь» являются сочетания слов: *я хочу остаться при тебе не разлучаться ни на одну минуту не спускать с тебя глаз держать день и ночь за прекрасную руку я обнимаю мне хочется обнять, прижать к груди все то, что принадлежит – ты моё заветное сокровище тип моего существования ты моё богатство мой клад, скрытый от мира моим сердцем – друг мой в моей жизни моя надежда мое счастье голубчик мой дружочик мой* – 1.

2.1.3. ЭКСПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «НЕНАВИСТЬ»

Словарь русского языка XI-XVII веков раскрывает значение слова «ненависть» как:

1. сущ., ж., употр. часто (нет) чего? ненависти, чему? ненависти, (вижу) что? ненависть, чем? ненавистью, о чём? о ненависти Е сли вы испытываете ненависть к кому-либо или чему-либо, значит, вы чувствуете к ним отвращение, неприязнь.

2. Н'ЕНАВИСТЬ, ненависти, мн. нет, ·жен. Чувство сильнейшей вражды. «Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью...
3. НЕНАВИСТЬ, и, ж. Чувство сильной вражды, злобы. Питать, испытывать н. к кому-н. Н. душил кого-н. (обуревают).
4. НЕНАВИСТЬ -и; ж. Чувство сильнейшей вражды, неприязни. Испытывать н. к ком у-, чему-л. Дрожать от ненависти. Н. душил кого-л. С ненавистью говорить о чём-л.

Таким образом, обзор словарных статей позволяет выделить 3 ведущих признака представляющих понятийную основу эмотива «ненависть»:

1. страстным желанием и упорными попытками причинять как можно больший вред, ущерб объекту ненависти;
2. злорадством, удовольствием от неудач, страдания или разрушения объекта ненависти;
3. мстительностью, неспособностью прощать, проявлять снисходительность, великодушие.

«Какова была выходя замуж, такова и теперь. Совестно говорить, право молодыми людьми так и ворочает; — разумеется, вся вежливость, все приличие света для них;...» но попробуй«...какова была выходя замуж, такова и теперь. Совестно говорить, право молодыми людьми кто-нибудь выйти из себя? — так отделают, дома, глаз на глаз, что не осмелятся и взглянуть на нее в свете, возненавидит, да и только; а уж кого она возненавидит — беда!» [Ч. 1: 84];

«Зачемславский знал его вдоль и поперек; он презирал его, как и следует» [Ч. 3: 164];

«Ты чувствуешь ужасное отвращение соединить навсегда участь свою с моею. Есть возможность уладить обстоятельство. В два часа ночи послышался тихий шум у двери: будь моею на минуту и будешь навсегда своя Ты молчишь, Ольга?.... Образумься! Я полный властелин над тобою. Я

могу без всяких условий употребить власть мою и теперь и навсегда». Он обнял жертву свою; но в его руках остались лисицы, а Ольга прыгнула за окно» [Ч. 3: 190-191];

«Андамский с каждым днем становился глупее, злее, несноснее. В течении двадцати безпрестанно мучил жену, дочь, людей и таким образом подвигался к могиле, с укоренившеюся ненавистью ко всем его окружавшим» [Ч. 4: 76];

«Г-н Щекснинский был человек чрезвычайно завистливый. Добиваясь чинов и знатности, он мог только добиться до Действительных Статских Советников и ненавидел все, что выше его. У него было два сына; он хотел вывести их в люди; но они остались в числе рогатого скота и не смотря на выгодные места свои, были все таки ничто перед Мусорским; и следственно Щекснинский его ненавидел» [Ч. 4: 102].

Проанализировав эксплицитное выражение эмотива «ненависть» в романе А.П.Степанова, мы можем сделать следующий вывод. В ядерную зону, представленную вышеописанными контекстами, входит около 5 употреблений данной лексемы. Околоядерную зону представляют контексты, в которых средствами номинации эмотива «ненависть» являются существительные: *отвращение, ненавистью*; глаголами: *возненавидит, презирал*.

2.1.4.ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВА «НЕНАВИСТЬ»

Периферийная зона ЛСП «ненависть» представлена имплицитным выражением данной лексемы. В романе А.П.Степанова «Тайна» мы встречаем контексты, имплицитно выражающие ненависть к людям:

Слушай, мерзавка! ты не дочь моя. Я терпел тебя для того только, чтобы сохра-нить собственную свою честь. А что? низкая тварь! побледнела! Вот я выдам тебя за-муж за такую дрянь, объя-влю всем

*формально о твоём знаменитом рождении. Это будет панихидою по матери» [Ч. 4: 94]. В данном контексте ненависть выражает посредством обращения полное неприятие объекта и отрицательную оценку его моральных качеств: *дрянь- мерзавка- тварь- 1*.*

«Вас насильно притащил я к брачному ложу; с нею будет то же, надеюсь, что муж её будет столько же счастлив, как ваш покорнейший слуга. Вас без всякого сожаления сжимал я в своих объятиях, выправлял вам голову, которую вы прятали от поцелуев, держал в неволе ваши руки, готовые всегда исцарапать все лицо мое, и с нею будет то же» [Ч. 1: 213-215] - в этом контексте ненависть мужа к своей жене, проявляется с помощью сочетаний слов: *насильно притащил - держал в неволе - без всякого сожаления - 1*.

В нижеследующих контекстах ненависть ведет к проявлению крайних форм агрессий: *убью - умрешь - сделаю потеху - выжму выгоды - взбесился - 1, заревел во все горло - 1*.

«Она зарыдала громко; вскочила, наполнила воплем комнату. Зачемславский! вскрикнула она, я тебя убью! я убью сама себя! на что мне свет? но ты умрешь со мною Зачемславский, ты умрешь, другую не будешь прижимать к груди своей, другая не станет разделять моего счастья» [Ч. 2: 176];

«Во мне видел он свой стыд, свое поношение. К чему же ты? говорил он. О! я из тебя сделаю мою потеху; я из тебя выжму выгоды мои— и вот, он предал было меня в руки Зачемславского; но когда я устояла против соблазна и гнусных намерений, он решился теперь продать меня Пешкову, за какие-то почести» [Ч. 2: 39];

«Когда Андамский услышал ваше имя, взбесился, заревел во все горло и назначил быть свадьбе на другой день. Это был день похорон, а не свадьбы» [Ч. 3: 78].

Номинативной репрезентацией эмотива «ненависть» являются существительные: *стыд – 1 , поношение – 1*; аффективные обращения: *дрянь*

– *тварь – мерзавка – 1*; глаголы: *взбесился – убью – умрешь – 2*, сочетания слов: *заревел во все горло – сделаю мою потеху – выжму выгоды – без всякого сожаленья – держал в неволе – насильно притащил – 1*.

ГЛАВА 3. МЕТОДИКА РАБОТЫ С ЭМОТИВАМИ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.П. СТЕПАНОВА «ТАЙНА»

Главная цель обучения родному русскому языку в современной школе состоит в том, чтобы обеспечить речевое развитие обучающихся, помочь им овладеть основными видами речевой деятельности в их единстве и взаимосвязи, т.е. способностью осознанно воспринимать звучащую речь и печатное слово, а также грамотно, точно и выразительно передавать в устной и письменной форме собственные мысли, учитывая условия общения.

Решением цели служит систематическая и целенаправленная демонстрация эстетической функции русского языка, знакомство с изобразительными возможностями, наблюдение за использованием разнообразных языковых средств выразительности в лучших образцах художественной литературы, где наиболее полно проявляется изобразительно-выразительная сила русского языка.

В программе по русскому языку для 10-11 классов под редакцией М.М. Разумовской, в отличие от других программ уделяется большое значение речевому развитию. Программа построена таким образом, что часть урока, иногда и весь урок русского языка становится уроком русской словесности, на котором постигаются истоки выразительности и красоты русского слова, осознаются механизмы создания образности речи.

Данное произведение не входит в учебную программу, но его можно включить в элективный курс в формате внеклассного чтения.

Эмотивы в семантике и структуре речи на материале романа А.П. Степанова «Тайна»

Вид: урок-исследование.

Класс: 10.

Общее время: 40 минут.

Тип урока: обобщения и систематизации знаний.

Цель урока: проследить какие эмотивы использует А.П. Степанов в романе «Тайна».

Задачи урока:

1. Дидактические:

- знакомство с художественным миром А. П. Степанова;
- анализ использованных эмотивных средств языка в романе «Тайна».

2.Развивающие:

- совершенствовать регулятивные навыки обучающихся;
- расширять и обогащать словарный запас школьников;
- совершенствовать навыки работы со словарем, с текстом.

3.Воспитательные:

- воспитывать внимательного читателя.

4.Коммуникативные:

- совершенствовать умение объективно оценивать себя и товарища.

Оформление: портрет А.П. Степанова, маршрутный лист.

Методы: частично-поисковый, метод автобиографического опросника.

Формы организации учебной деятельности: фронтальная работа, индивидуальная работа, работа в парах.

Оборудование: маршрутные-листы, фрагменты романа «Тайна», словари.

Ход урока:

1. Организационный момент (проверка готовности к уроку).

2. Повторение. Проверка домашнего задания.

Учитель (вступительное слово): Александр Петрович Степанов (4 мая 1781 — 25 ноября 1837) — русский писатель и чиновник, калужский краевед. В 1823-31 гг. первый енисейский губернатор, в 1835-37 гг. саратовский губернатор. Начал писать стихи в 10-летнем возрасте. Поддерживал дружеские связи с Михаилом Глинкой, Карлом Брюлловым и особенно с декабристом Батеньковым.

Действительный член Общества любителей российской словесности при Московском университете (с 26.02.1816). В 1817—1821 годах был членом литературного общества «Калужские вечера».

В 1825 году участвовал в издании сборника «Калужские вечера, или Отрывки из сочинений и переводов в стихах и в прозе военных литераторов», который вошли поэтические и прозаические работы членов этого литературного общества.

В 1828 году стихотворения А. П. Степанова были напечатаны в «Енисейском альманахе».

Роман «Тайна» написан в 4-х частях и находится в Государственном музее истории российской литературы имени Владимира Даля.

Учитель: Ребята, вспомните, какая основная линия романа? (В основе романа лежит любовная линия Басенкова и Ольги).

Эмоциональная сторона жизни человека органически связана с деятельностью во всех ее формах и проявлениях. В эмоциях находит выражение отношение человека к явлениям окружающей действительности.

Сегодня мы изучим с вами систему языковых средств, которая позволяет нам косвенно или прямо адекватно выразить любую эмоцию - эмотивной лексики. Заметьте, что это не означает, что в реальной жизни эмоции выражаются только с помощью языка. Эмоциональность служит для представления психологического состояния говорящего, тогда как выразительность является средством усиления коммуникативной функции высказывания. Так, эмоция влияет на интеллектуальные процессы, она

представляет собой единство трех компонентов: физиологического, субъективного, экспрессивного. Это означает, что человек, переживая эмоцию как физиологическое состояние, испытывает эту эмоцию и выражает ее. Эмоции человека сопровождают мимику и пантомиму, но к этим выразительным невербальным средствам добавляются интонационные характеристики голоса (грустный голос, сердитый голос).

3. Актуализация.

Учитель: для начала вспомним, что такое эмотивная лексика. Итак, эмотивная лексика – это фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические, фразеологические и синтаксические формы, которые существуют в языке как системе с целью логической или эмоциональной интенсификации высказывания. В художественном тексте используется лексика, которая способна выражать такие категории, как эмоциональность и выразительность на уровне языка и речи. В тексте эмоции выражаются как своего рода переживание, выполняющее ключевую функцию управления поведением персонажей. Эти функции выполняются как экстралингвистическими, так и лингвистическими, в частности прагматическими, средствами.

4. Постановка проблемного вопроса.

Учитель: Ребята, вспомните, какая основная линия романа? (В основе романа лежит любовная линия Басенкова и Ольги).

Как вы считаете, эмотив любви всегда выражен явно? (Нет, он может быть представлен не явно).

Все верно. Явное выражение эмоций – эксплицитное; запутанное, не обнаруживающееся поверхностным наблюдением – имплицитное.

Как думаете с какой целью автор использует эти формы для выражения мысли? (Для того, чтобы сделать произведение более насыщенным).

5. Задание исследовательского характера (работа в паре).

Инструкция: Работая в парах, вам предстоит проанализировать фрагменты роман и заполнить таблицу.

Эксплицитное и имплицитное выражение эмотива «любовь»
(маршрутный лист)

№ фрагмента	Эксплицитное	Имплицитное
1		
2		
3		
4		

5		
---	--	--

После парной работы следует коллективная проверка результатов:

Эксплицитное и имплицитное выражение эмотива «любовь»

(маршрутный лист)

№ фрагмента	Эксплицитное	Имплицитное
1	<i>«Хороша любовь: тешится муками!»</i>	<i>«Я не жертвую никому ни чем, кроме жизни за отчизну, отвечал он, остановившись»</i>
2	<i>«Кого мы истинно любим, для того мы жертвуем иногда своими прихотями»</i>	<i>«Крепко обвилась она кругом всего Вечеслава. Между ними нельзя было пропустить самой тоненькой китайской бумаги. Трепет ее постепенно увеличивался. Вечеслав иступлении. Она кипела как вода; он пылал как огонь»</i>
3	<i>«Да! Ольга! нужны. Моими глазами я пью любовь в твоих глазах. Я вижу в них твою любовь ко мне»</i>	<i>«Я обнимаю, — мне хочется обнять, прижать к груди моей все то, что принадлежит мне: каждую травку, дерево, ручей, пруд, холмы, поля, воздух и мое</i>

		<i>солнце. Я наслаждаюсь не многим, но всем»</i>
4	<i>«Теперь, сказал Вечеслав, мы будем любить друг друга, как духи»</i>	<i>«Ничто не могло сравниться с восхищением Г. Басенка и нежною радостью его супруги, когда сын вошел в комнату. Наперерыв старались они обнимать его и ласкать по – своему»</i>
5	<i>«Я живу для собственного моего удовольствия; я эгоист в любви»</i>	<i>«Так я жила бы с тобою в палатке, ездила за тобою верхом, готовила тебе кушать, успокаивала тебя, берегла, нежила! Вечеслав! я бы тебя оберегала от ударов неприятельской сабли!»</i>

7. Итог урока.

Учитель: Итак, с помощью чего А.П. Степанов делает свою речь выразительной? (Он использует эмотивную лексику)

Учитель: Дайте развернутый ответ вопрос – с какой целью, по-вашему, писатель использовал эксплицитный и имплицитный способ выражения эмотивов? (возвращение к проблемной ситуации).

1. Рефлексия.

Учитель: - Что нового вы сегодня узнали?

- С какими трудностями столкнулись?

- Как можно решить эти трудности?

- Что показалось вам самым интересным?

Учитель: Ребята, спасибо за активную работу на уроке.

2. Домашнее задание: написать сочинение-рассуждение на тему: «Эмотивы – важная языковая единица».

Вывод по 3 главе. Работа старших школьников над речевыми средствами языка имеет для них познавательное, развивающее и воспитательное значение. Постижение ими истоков образности и выразительности языка, осуществление эстетической речевой деятельности – один из путей формирования гармоничной, всесторонне развитой личности.

Обучающиеся должны знать, распознавать и использовать в своей речи образные средства языка для придания ей выразительности, яркости и оригинальности.

Предложенный методический материал может быть использован уроках русского языка для отработки изученной темы и интегрирован с литературой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного нами исследования по теме мы постарались решить поставленные задачи и для этого предприняли следующее:

1. Для разрешения первой задачи мы изучили историю вопроса исследуемого предмета. И выяснили, эмотивность - это характеристика языковых средств, употребляемых для кодифицированного выражения эмоций в речевом общении и способных произвести эмоциональный эффект на реципиента. Речь идёт о двух взаимосвязанных функциях эмотивов: первая сосредоточена на отправителе и связана с выражением собственных эмоций индивида, вторая сосредоточена на получателе и связана с достижением желаемого воздействия от сказанного.

2. В работе над второй задачей мы изучили словари XIX века – с ловарь русского языка XI-XVII вв., словарь русского языка XVIII века, словарь языка Пушкина, В.И. Даль, толковый словарь живого великорусского языка и другие, которые занимались интересующими нас вопросами. Кроме того, мы просмотрели современные словари, и итогом этой деятельности послужил вывод о том, что не во всех словарях толкования слов совпадают, но, в основном, они схожи. Так, в словаре древнего славянского языка, составленного по Остромирову Евангелию и в словаре языка Пушкина в слове «безобразный», можно встретить толкование ‘не имеющий образа, незримый; бесформенный, без определенных очертаний, неясный, смутный’ в современных словарях такого объяснения слова нет.

3. В тексте исследуемого нами романа мы выявили несколько контекстов, вербализующих связь эмотивов «любовь» и «ненависть»:

1. «Любовь и ненависть, добро и зло проистекают от одного человека. Одно начало производит разнообразные действия, а потому и действия противоположностей бывают, сходны между собою...» [Ч. 2: 162-163];

2. «Ощущения страсти в мужчине всегда пламенные сначала: они живы, стремительны, быстры; но за то скоро устает он: скучает, туманится и часто даже вместо страсти заступает отвращение» [Ч. 2: 170];

3. «Одна только она, эта душа постигает его во всем совершенстве. Чистое и нечистое; любовь и ненависть; сила и слабость; вина и раскаяние — это хаос, в котором она плавает; это пытка ее, чрез хлад и пламя» [Ч.3: 45];

4. «Что ж это за дьявольское сходство между ненавистью и любовью? Просто родные сестры» [Ч. 4: 103];

5. «Я убила двух человек, сказала она собравшись с духом. — Одного из них любила я любовью грубою, зорною, неразборчивою; но любила более всех на свете; другого ненавидела столь же, сколько любила первого. Это Вячеслав и Ольга» [Ч. 4: 195]; «О! я его любила и ненавидела!» [Ч. 4: 200].

Проанализировав примеры репрезентации эмоций в речи персонажей, можно сделать вывод, что в большинстве случаев они выражены более лаконично и более конкретно, чем в авторской речи. Развернутое, метафорическое описание эмоций, испытываемых героями, присутствует в незначительном количестве. Это объясняется тем, что персонажи делятся своими чувствами в диалогах друг с другом, и чаще всего реплики следуют друг за другом, соединенные причинно-следственной связью, и какое-либо отступление может эту вязь нарушить. Характерной особенностью персонажной речи является то, что в ней чувствами делятся не с отвлеченным и внешним адресатом - читателем, а с другим человеком из мира повести – с другим персонажем, который должен отреагировать на них, чувства всегда адресованы и осознаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка: Монография. – М.; Краснодар, 2003.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975. 276 с.
3. Аглетдинова Г. Ф. О соотношении оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Исследования по семантике. Семантические категории в русском языке: сб. научных статей. Уфа, 1996. - С. 76-84.4. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия// Известия АН. Сер . лит. и яз. – 1999, №4. – С. 39-53.
5. Бабенко Л.Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте. - Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. - С. 145-156.
6. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с. 23.7. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание).- М.: Знание, 1990.-64 с.
8. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. - М., 2000.
9. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004. с.
10. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. – Ташкент, 1981.
11. Буянова Нечай Эмотивность эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. с.
12. Большая советская энциклопедия в 30Т., гл. ред. Прохоров А.М., 3- е изд., М.: Советские энциклопедии, 1974, Т.15 Ломбард- Медитол,- 631 с.13. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. Ярцева В.Н. М.:

- Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.14. Василенко В.А. Ценность и оценка: Автореф.дис... канд. филол. наук. Тарту, 1977.
15. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи // Очерки по семантике русского глагола. - Уфа, 1981. с.
16. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Рус . словари, 1997. - С. 326-375.17.
- Виллюбнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976,142 с.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
19. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. - М.: Высшая школа, 1981. с.
20. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: Сб-к статей по языкознанию. – М., 1985.
21. Гридин, В.Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики: дис... канд. филол. наук. / В.Н.Гридин. – М., 1976.22.
- Декарт Р. Страсти души: Соч. в 2-х т. – М., 1989. Т.1. – С.481-572.
23. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык.- КомКнига, 2005.-304 с.
24. Изарт К. Эмоции человека. М., 1980. – 381 с.
25. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб ., 2002.26. Ильинская А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2007.27. Кузнецова Л.Э. Любовь // Антология концептов. Т.3./ Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006.28. Калимуллина Л. А. Современные трактовки категории эмотивности Калимуллина // Филологические науки. - 2006. - N 5. - С. 71-80.29. Кудашина В.Л. Коммуникативные функции порядка синтаксических сегментов в современном русском языке : Дис. ... канд. филол. наук: Ставрополь, 2003.

30. Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1987. с.
31. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1975. - 231 с.;
32. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. - М.: Смысл, 1993.33.
- Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1976. Вып. 5.
34. Максимов Л.В. К проблеме определения морали//Этическая мысль.- Вып. 4.- М.: ИФ РАН, 2003г.
35. Маслова В.А. Коммуникативный подход к проблеме эмотивности текста / В.А.Маслова // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: ВГПУ, 1996. – С. 148-156.
36. Н. Б. Мечковская. Социальная лингвистика / 2 изд. - м., 2000. - 208 с.
37. Минибаева С.В. Текстовое представление эмоционального состояния «страх»: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 2002.
38. Муллинова Т.А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект (На материале романов А. Белого Котик Летаеви Крещеный китаец) : Дис... канд. филол. наук. - Краснодар, 2004.39. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. - Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ун-та, 2000
40. Немов Р.С. Психология. Владос, 1999. – Т.1.
41. Немец Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. Ростов-на-Дону: РГУ, 1989. 144 с.
42. Новиков Л.А. Семантическое поле как лексическая категория // Теории поля в современном языкознании: Тезисы докладов. – Уфа, 1991. – ч.1., с.3
43. Ортони Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. с.

44. Общая психология: Учебник / под общ. ред. проф. А.В.Карпова.- М.: «Гардарики», 2005.- 232 с.
45. Парсиева Л.К. Теория междомедия в общей парадигме современного языкознания. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2006. - 235 с.
46. Пиотровская Л.А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. Сост. М.А. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М., 2007. - С. 28-42.47. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. – СПб, 1994.
48. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. с.
49. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии – М.,1989. Т.2.50. Рубинштейн С.Л. Эмоции.// Психология эмоций. – М.: МГУ, 1984. – С. 152-161.51. Силин А.А. Средства описания эмоционального состояния: Автореф. дис. канд... филол. наук. – М., 1988.
52. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
53. Физиология человека. М.: Просвещение, 1985.- 250 с.54. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспект. М., 2001.
55. Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка. АДД. М., 1966.
56. Чанышев А.Н. Философия древнего мира.- М.: 2003.57. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002, №5. – С. 38-56.58. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М., 2008.59. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность. Сб.: Коммуникативные аспекты значения. - Волгоград:

Волгр. пед. ин-т, 1990.60. Шаховский В.И. Эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. - 1986. - № 6. - С. 97-103.

61. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М., 1971.

62. Эйтчисон Дж. Лингвистическое отражение любви, гнева и страха: цепи, сети или контейнеры? // Язык и эмоции. Волгоград, 1995.63.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". М., 1975. 470 с.

64. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Часть III. 1814г.

65. Словарь русского языка XI-XVIIвв., выпуск 8, М.,1981г.66. Словарь русского языка XVIII века, выпуск С-П., 2004г.67. Словарь языка Пушкина. Т.-2., М., 2000г.68. В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. - 2-е изд., - М., 1955.

Эксплицитное выражение понятия «любовь»

1. Как произошли Киприда и Паллада, можно видеть из Овидия; но ищите, где хотите, спрашивайте у кого угодно: как произошла земная любовь? ни где не найдете; ни от кого не услышите. От того-то и мы не знаем, как начинается любовь. Кажется, вот так бы и припомнил; кажется, так бы и добрался, следя назад постепенно за сплетением обстоятельств ни тут-то было! а должно же быть началу любви потому, что есть и конец ей. Но кто же вам сказал, что есть конец любви? В таком случае не было и начала вашей любви, потому, что бесконечное должно быть и безначальное. — «Я люблю, пока можно любить, т. е. до могилы.» — По этому любовь ваша временная, во времени, а из этого следует, что она родилась во времени от приятных впечатлений, возбуждаемых в нас другими, чрез раздражительность страдательной силы от действующей, что стало быть любовь должна иметь все свойства временности: ум, безумие, добро и зло, истину и обман. Вы может быть хотите знать, каким образом раздражается в земной любви страдательная сила действующею? я мог бы вам это сказать; но до меня дошли слухи, милостивые государи, что и без того укоряют меня в длинных рассуждениях; а потому не смею распространяться далее; скажу только вам, что на Басенка подействовала эта действующая сила таким образом: Увидя Ольгу, он оробел. Ольга проникала быстро, глубоко в духовный состав его, пришла в него, как льется благодать в душу чистую, и возвестила начало любви. Басенку показалось, что он видит в глазах её, во всех чертах лица, в поступи, в осанке отблеск божественного света и все принадлежности ума и добродетели [Ч. 1: 120-122];

2. «Не знаю, чего хотелось матерям? Они покровительствовали, как казалось, любви молодого человека: он сам, верный чести и любви святой, сохранял, сколько мог, свое равнодушие; по крайней мере он таил свою любовь под покровом старинного знакомства и дружества. Он не мог не

хотеть, чтоб Ольга его любила также пламенно, как он ее любит и в то же самое время, для собственного счастья, он хотел, чтоб она его не любила; но мужественное желание его не исполнилось. Ольга любила» [Ч. 1: 130];

3. «Я готова исполнить все: умереть, ежели отцу угодно будет, но любя вас. Шутить же обетом, данным мужу; обманывать его торжественно пред Богом и людьми; показать презрение ко всему святому; идти против Провидения — никогда» [Ч. 1: 134)];

4. Хороша любовь: тешится муками!» [Ч. 2: 27];

5. Любовь! любовь! ты возродила мою жизнь, открыла мне прелесть незнакомых прежде наслаждений, привела меня к источнику счастья. Ольга! ты была неземное, не доступное совершенство, слишком высокое, чтоб союзнится со стихиями нашего мира; ты была как будто ангел хранитель, к которому я мог только воссылать мольбы мои; таинственная, неизъяснимая была ты для меня! Я любил тебя, как святыню; я не смел, не умел тебя любить другим образом. Я был весь твой! Теперь, ах! теперь, моя любовь, я тебя понимаю — теперь ты вся моя. Не я молюсь тебе; но ты меня умоляешь: ты трепещешь у груди моей; ищешь, как будто защиты, от собственной, бурной страсти своей [Ч. 2: 68-69];

6. «Они полюбили Андамскую, один пламенно, другой, Бог знает, как; и однако ж любовь их похожа была на соленое самосадное озеро, в которое прорвались подземельные истоки пресной воды. Любовь их точно также ослабевала, как доброта соли, но у каждого различным образом: у Басенка от наслажденья, Зачемславского от упоенья, да от упоенья. пьяница, чтоб забыть горе, осушает мертвую чашу; Зачемславский вместо того, чтобы топить любовь свою в вине, топил ее в буйных беспорядочных удовольствиях; упивался до изнеможения, до безумия» [Ч. 2: 90-91];

7. «Кого мы истинно любим, для того мы жертвуем иногда своими прихотями» [Ч. 2: 97];

8. «Знаете ли вы, что такое любовь?» «По слуху» «А ежели сердце ваше наполнится любовью, можете ли вы тогда сообщить

счастье другому?» «Я думаю, и притом такое, которое принесет живейшее наслаждение этому другому, потому что я буду понимать, чувствовать всю силу, всю прелесть, все достоинство моей любви. «Любовь! Небесная Любовь! вскрикнул Георгий, будь мне женою!» [Ч. 2: 107];

9. «Он был неверен жене своей по причудам; но ее любил, как любимое свое кушанье, любимый кусочек...» [Ч. 2: 170];

10. «В женщине страсть земной любви возбуждается снаружи: ей изменяют все пять чувств. Мне кажется, что глухая и слепая редко может быть подвержена этой страсти. Ревнивцу советую влюбляться подобных! Женщина в своей страсти обвораживает, тает, увлекается. Она может долго, постоянно соблюдать свое спокойствие; но электризованная через чувства предметами посторонними, не в силах уже удерживать себя, разве с помощью оскорбленной гордости. В ней развиваются исподволь ощущения любви и быстро действуют в последствии. Она пьет любовь свою медленно, продолжительно, она не устает любить; любовь делает ее веселее, живее, ласковее, даже навязчивее» [Ч. 2: 171];

11. «Свиданье не может заменить любви: можно видеться и не любить. Любви, одной любви желать надо: она одна составляет чистое блаженство, все другое будет прикладным. Так например: любовь к Творцу и ближним составляет познание истинное, науки прикладное. Любовь моя к тебе есть мое чистое счастье, а чары глаз и осязанья прикладное. Желай меня любить, только любить вечно, постоянно, и все другое приложится» [Ч. 3: 24];

12. «Чистота, смирение, послушание. Как я люблю женские монастыри, в их настоящем виде! Жена, лишенная мужа, жена или девица осиротелые, убогие или бедные, без приюта и защиты, гонимые несчастьями, убитые горестями, находят себе мирное пристанище в святых обителях. Здесь охраняя огонь любви небесной в неугасаемых лампадах, воссылают они горячие молитвы перед алтарем Божества Троиственного. Здесь в молитвах сливаются души их в дружбу ангельскую. Здесь дружба высокая,

непорочная, бескорыстная доставляет им ясное, тихое, беззаботное, постоянное спокойствие: счастье мира, земной элизиум. Женский монастырь должен быть духовный рой. В нем все зависит от матки улья: дух, душа, самое тело» [Ч. 3: 94-95];

13. «Вячеслав!»- «Любовь!» раздалось в одно время и два преступника, забыв о преступлении, сидели в объятиях друг друга на каменной кушетке. Они млели от радости и молчали от полноты чувств и от чудного обета, который наложила Любовь ночная на Ольгу дневную. Зато шептали они языком известным только Любви» [Ч. 3: 206];

14. «Ох! нет; нет; прочь с вашим желанием! не верю, чтоб вы могли иметь его. Скажите, что это неправда! отрекитесь от него! умоляю вас именем Того, кто слышал, кто любовался любовью нашею... Вячеслав! друг мой! отрекись!» «Ольга! желание мое так естественно, что нет почти никакой возможности не существовать ему. Я нашел то, что с трудом отыскивается в мире, что дается в удел одним любимцам Небес и, в самую минуту счастья, этот божественный дар отнимается у меня безжалостною рукою твоего отца. Только через его могилу пролегает нам путь к браку. Чтоб уничтожить мое преступное желание, я должен выступить из круга естественных действий, должен совершить опыт продолжительный и трудный, должен возвыситься до тебя...[Ч. 1: 134], любовь олицетворенная; но в наших действиях могут быть чудные исключения, как в действиях самой природы»«Милый друг Вячеслав! будь победитель над собою и Господь наградить тебя достоинством любви моей потому, что все в могучей власти Его. На что нам брак, Вячеслав? разве есть браки между бесплотными? разве мы не духи? — Брат! друг! Ангел мой Вячеслав! нам не нужны обеты, клятвы; нам не нужны кольца вековые: любовь наша в бесконечности» [Ч. 1: 134-135];

15. «молодой человек оказывал быстрые успехи, обнаруживал любовь ко всему высокому и прекрасному» [Ч. 4: 102];

16. О ! Грандиоцети! я знаю тебя! — у тебя любовь не тихое глубокое озеро, не быстрый гремучий источник; но тысяча быстрых гремучих источников, слитых в один бурный поток» [Ч. 4: 140];

17. «Обманутая любовь и униженное самолюбие довольно сильны, чтоб собрать всех чертей ада на мученье сердца человеческого» [Ч. 4: 141];

18. Их все радовало у себя дома. Сердце их поминутно расширялось, встречая знакомых людей, знакомые здания, знакомую природу. В них ничего не было романического, слезливого, дыхательного, чувственного; в них обнаруживалось соединение простоты с просвещением, доброты с умом, чувствительности с остротой и то влечение ко всему родному, которое может подвергаться насмешке только людей низких, завистливых [Ч. 1: 50];

19. « Аа! вы любите наслаждаться исподволь?» «Что скоро, то живо, но мимолетно: я люблю длить, разнообразить мои удовольствия; по воле, по прихоти» [Ч. 1: 66];

20. «Я считаю все требования начальства по службе долгом священными; я готов даже исполнять все требования, чьи бы то ни были, ежели только не страдает честь и совесть — к этому влечет меня желание быть любимым» [Ч. 1: 78];

21. «Сын обнял отца и поцеловал его руку. В это время раздался хриплый СМЕХ двух человек, вошедших в гостиную. Это были Пешков Татев. «Люблю! люблю! вскричал первый, так и надо! не помню уже, когда я видел, чтоб взрослые дети целовали руки у отца» [Ч. 1: 80-81];

22. «Это что за наслажденье! вскрикнул он Софье. Милая Софья! Ангел-хранитель носился над тобою! Клянусь любить тебя как сестру, как друга! Я буду твой защитник, твоя подпора! образую ум твой! научу тебя всему!» «Научи меня бояться Бога», отвечала она робко и прижалась смело к груди его» «Софья! Я чувствую всю муку моего положения: но клянусь жертвовать к твоему благополучию» «Басенко сбился с ума. Он в самом деле приступил к образованию своей любимицы» [Ч. 1: 108];

23. Однажды поутру камердинер Басенка приносит ему запечатанное письмо. Он узнал руку Софьи, распечатал и прочел: «Ты меня не можешь и не должен так любить, как я тебя люблю, Вечеслав. Любовь твоя благороднее моей, ты без всякой корысти дал мне увидеть свет, переродил меня и если буря снова забушевала в сердце твоём, так все-таки это не любовь, но одно желанье, преступное желанье»; «Желанье моего сердца в миллион раз неистовее твоего; но дух мой не хочет уступить сердцу и любовь его сильнее, чем желанье сердца» [Ч. 1: 110];

24. «Может быть, если бы ты был то, что я, мы были бы счастливы, я умела бы тебя заставить любить меня, как я тебя люблю; но теперь на что это? чтоб тебя сделать не счастливым?» [Ч. 1: 111];

25. «Любовь Вечеславу горит в сердце ее, как амбра в богатой курильнице. Огонь раскаляет его и запах аромата разливается по всему ее составу. Пламя сердца просвечивается чрез прозрачную белизну ее щек. Кажется, заметно, как оно изменяется: пышет ли в разгаре, или тихо теплится. Любовь наводит на всю наружность ее прелесть неизъяснимую, даже разливает счастье на окружающих ее» [Ч. 1: 132];

26. «О! Друг! воскликнул Басенко, какое наслаждение любить и быть любимому! Мне кажется, если бы она сделалась моею женою, то минута блаженства моего была бы минутой моей смерти» [Ч. 1: 150];

27. «Да! Ольга! нужны. Моими глазами я пью любовь в твоих глазах. Я вижу в них твою любовь ко мне» [Ч. 1: 184];

28. «Ольга!» вскричал Вечеслав и бросился в ее объятия. «Ах! как я люблю тебя, моя Ольга! И громкий вздох его, казалось, отозвался за забором, так, что даже Ольга оборотилась» [Ч. 2: 10];

29. «Да, продолжал он, любовь моя нашла могилу, но в ее сердце, и к удивлению моему, возродилась во мне, после брака, с новою силою. Прежде я любил совершенно ее, как вещь постороннюю; теперь люблю ее как собственность свою. Она моя, вся моя, как мой дух, как высокое свойство моего бытия» [Ч. 2: 26];

30. «Любовь! любовь! ты возродила мою жизнь, открыла мне прелесть незнакомых прежде наслаждений, привела меня к источнику счастья. И Любовь стояла перед ним, в темноте едва приметная. Ольга! хотел вскрикнуть он и со словом: любовь! держал уже ее в своих объятиях» [Ч. 2: 68-69];

31. «О! если бы я был вашим мужем, я бы вас научил и как научил! Никакому Овидию не уступил бы я в науке любви! сколько различных наслаждений доставил, бы я вам!» [Ч. 2: 82];

32. «Любовь! шептал он ей, Любовь! что за тайна между нами? Бойся ее! В ней-то растет разрыв-трава связей супружеских. Сколько раз говорил я тебе, бесценный друг, ежели два существа, такие близкие между собою, как мы, не имеют взаимной доверенности, то это значит, что они или опасаются изменить собственно себе каждый, или боятся измены друг от друга. Чем больше стараюсь проникать в тайну твою, тем более запутываюсь, тем беспорядочнее бьется сердце мое, тем более смуты в чувствах и наслаждениях. Любовь моя, огонь жизни всего моего бытия! Придет ли для меня время света и счастья нетуманного? Придет ли оно когда-нибудь? О! скажи, моя подруга, моя жена!» [Ч. 2: 110];

33. «Любовь! продолжал он, можешь ли ты понимать пытку моей души? Быть с тобою вместе и не видеть тебя, все равно, что быть лишенным тобою одного из благороднейших чувств! И я прижимаю тебя к горячей груди моей, как мертвеца, как существо бессловесное. Любовь, промолви слово, одно слово!»

«Любовь молчала; Вечеслав слышал ее рыданье; покрывало смокло ее слезами и он припал к ногам ее, он целовал их, можно сказать, с лютостью, упрекал самого себя, давал новый обет повиноваться воле ее; он перешел весь в страсть, он выучил уже язык ее, он понимал на нем любовь свою и о слове не было уже ни полслова. Любовь, при последнем поцелуе, сняла Вечеслава его перстень» [Ч. 2: 110-111];

34. «Я вас любил, продолжал он; но ваше хладнокровие, ваше неприличное поведение удалили сердце мое от вас. За всем тем, я не хочу еще обнаружить ваше бесчестье и позволяю жить со мною, но соблюдая для света всю, по крайней мере наружную, благопристойность» [Ч. 2: 117];

35. «Около получаса прошло Эмилия Зачемславский, сидя небрежно диване, передавали друг другу чувства сердец своих. Он толковал ей, что истинное счастье человека заключается в любви и толковал систематически, как добрый классик» [Ч. 2: 138];

36. «Да! я упала, унизилась.... О! прости, прости моему безумию! Но тебя любить разве унижение? Я только сбросила с себя личину лукавства! я опросталась от причуд света! Я свободна; я вся любовь Владимир! я не верю любви ангелов. Пламя ее должно быть сильно и благотворно; от чего же моя любовь жжет меня, как пламя ада О! пусть она жжет меня и за могилою! Я вся любовь; я бессмертна. Я буду жить ею; мучиться и наслаждаться муками. Да, Владимир! Я здесь привывыкла к ним !...Да» [Ч. 2: 178];

37. «Теперь, сказал Вечеслав, мы будем любить друг друга, как духи. Для них нет векового пространства, но беспредельность и бесконечность» [Ч. 2: 145];

38. «Басенко освежился. Любовь его к Ольге приняла характер страстной любви супружеской, которая в человеке, с постоянством и верностью, возвышается разлукою» [Ч. 3: 9-10];

39. «Человеку любить себя свойственно и необходимо; но ежели он любит и балует свою низкую материальную натуру и стремится к ней всею силою своею, тогда эта любовь самого себя называется эгоизмом; ежели же он вспомнит, полюбит высокое, светлое, чистейшее происхождение свое и потянется к нему духом из навыков материи нечистой, темной, низкой; тогда эта любовь к самому себе называется самоотвержением» [Ч. 2: 166];

40. «Я живу для собственного моего удовольствия; я эгоист в любви» [Ч. 2: 176];

41. «Ох! Ольга, ежели бы все люди любили нас, как мы их любим».«От чего же им не любить нас? они добры «по природе» [Ч. 2: 8];
42. « Басенко знал, что надобно любить всех людей, как братьев, что надобно любить и врагов своих» [Ч. 4: 48];
43. «Я люблю рыцарей, сказал Вячеслав, их согласие меня восхищает. Они стояли за свой орден, стояли друг за друга, помогали друг другу. Они служили не лентясь, служили до мастистой старости» [Ч. 2: 186-187];
44. «После обедни, пошла она (Ольга) к Игуменье и разговаривая с нею о том, о другом, навела разговор о любви к Творцу» [Ч. 2: 190];
45. «Любви, одной любви желать надо: она одна составляет чистое блаженство, все другое будет прикладным. Так например: любовь к Творцу и ближним составляет познание истинное, науки прикладное» [Ч. 3: 24];
46. «Держи в уме только Бога, да держись к товарищам плотнее. Любовь братская лучше каменных стен. Любовь кольцо, а у кольца нет конца» [Ч. 3: 42-43];
47. «Мусорский..., опершись на костыль обеими руками, пристально смотрел на него и потом, поднявши брови, произнес тихо, с важностью: в ваших словах, Вячеслав Владиславович, проявляется сильная любовь к отечеству, и нет никакого сомнения, что вы докажете ее на деле. Говорю вамъ: Все что нам ни поют о патриотизме — вздор, гордого суемудрия; одно только точное пламенное исполнение обязанностей относительно религии, нравственности и государственных постановлений нашего отечества составляет истинную и совершенную любовь к нему» [Ч. 3: 27-28];
48. «Я бы хотела только со всем порывом пламенной души обнять природу, меня окружающую. Чувство любви моей к простой природе, заставляет находить в ней все изящное, все премудрое, все богатое и, если хочешь, все вкусное, чего ни какому подражательному гению не удастся произвести» [Ч. 3: 114];
49. «Чему дивитесь вы ? Она одна из тех женщин, у которых любовь есть ничто иное, как упрямая прихоть сильной страсти» [Ч. 3: 50];

50. «Любовь!» вскрикнул невольно Басенко. « Басенко я для вас более не Любовь и не Ольга, — отвечала она отрывисто дрожащим голосом — знайте! я жертва ада; я люблю одну страсть, а не людей» [Ч. 4: 63];

51. «Творец не может не любить своего создания и потому Его любовь, через неограниченное могущество и высочайшую премудрость недоступная для дерзкого, гордого и слабого человеческого ума, снизошла на землю в видимости, как вся вселенная пришла из невидимости в видимость по одному слову Его, что эта небесная любовь открыла пути истинные, шествовать по законам нравственным и физическим, научила совершать ужасные испытания; определила разумение, научила подчинять ему силу страстей, научила спасать или приводить в гармонию падшую, расстроенную природу человека от соращения её с истинного пути по данной ему свободе наконец повелела любить врагов своих, как братьев» [Ч. 4: 134-135];

Имплицитное выражение понятия «любовь»

1. « Увидя Ольгу, он оробел. Ольга проникала быстро, глубоко в духовный состав его, пришла в него, как льется благодать в душу чистую... Басенка, что называется, сглазили, околдовали, очаровали, обворожили. Попался ли он в обман чувств? тогда сделался похож на жертву того змея, к которому птицы слетаются добровольно в пасть. Он изменился вдруг. сделался по наружности похож на бессмысленную тварь в образе человека. Рот его, открытый для разговора Чебровою, остался в том же положении; глаза без движения век, без движения души: наблюдатель не мог бы ничего выведать из них; но все дикое, все буйное спало, отлипло от сердца его; все дерзкие пожелания исчезли. Он сделался смирен, как овечка. Ольга взглянула на него и улыбнулась. Небо улыбнулось перед ним. С раболепным благоговением душа его поверглась в прах перед своей царицей. Несколько несвязных слов доказывали смуту душевных его способностей. Он погрузился в глубокое молчание. «Что в ней такое, в этой ОЛЬГЕ, что мгновенно уничтожило всего меня? От чего дух мой почувствовал какое-то болезненное состояние, и тогда же открылся неизъяснимым наслаждением? От чего может существовать это наслаждение при собственном унижении?» [Ч. 1: 122-124];

2. «Девушка, приветствуя Татеву, разговаривая с ним стоя, не попросила его сесть. «Позвольте!» сказал он и опустился на софу. Девушка села возле. «Вы всегда, сударыня, начале Французски старинным Русским выговором с густым ла, вы всегда, так свежи и прекрасны. Жизнь наша есть цветок: надобно пользоваться юностью и красотою».

«Я пользуюсь первым; но последнее не дано мне в удел». «Вы не благодарны, сударыня: вы порицаете природу. Надобно не иметь ни глаз, ни ушей, чтоб вам не удивляться». «Благодарю за учтивости; но что вам угодно?»

не имеете ли какого дела до моего дяди?» «Без сомнения; но прежде мне бы хотелось иметь честь, счастье, объясниться с вами» «Это странно!» «О! нет, не беспокойтесь! удостойте выслушать: давно уже, очень давно наслаждаюсь я знакомством..... Нет, позвольте! С самого младенчества до зрелых лет моих сердце мое было спокойно.....» «Позвольте, прервала его девица, пожелать мне чтоб оно оставалось в мирном своем положении.» «И это вы говорите мне, прекрасная? Да полноте серьезничать! взгляните мне прямо в глаза! дайте вашу рученочку» «Что вы это? опомнитесь!»

«Еще слово, одно слово; жизнь моя в ваших руках. Я отдам ее за то, чтоб одну минуту быть обладателем красоты вашей.» Она вскочила; он упал на колени к ногам её. «Я предлагаю вам руку мою, все мое имение, все без остатка отдаю прежде брака». «Я нахожусь в воле моего опекуна: моя судьба зависит от него». ежели он будет согласен, не оцененная?» «Тогда я вам буду отвечать». «Каплю надежды! — Ах, освежите мое пламенное сердце!» «Не унывайте, все зависит от Провидения». «Бесподобная! ты воскресила дух мой! ты возвратила мне лета цветущей юности! ты возродила во мне силы жизненные!.... Ох! ох!» [Ч. 1: 88-89];

3. «Я буду твой защитник, твоя подпора! образую ум твой! научу тебя всему!» «Научи меня бояться Бога» - отвечала она робко и прижалась смело к груди его. «Софья! Я чувствую всю муку моего положения: но клянусь жертвовать к твоему благополучию». Басенков сбился с ума. Он в самом деле приступил к образованию своей любимицы. Басенков, свободный от службы, был всегда вместе со своею ученицею. Сначала ему было очень трудно, ничто не шло на ум: каждое положение девушки, её взгляды, речи — все возбуждало в нем пламя. Самая мысль, как близко было их сношение в минуты, когда Софья была на краю гибели, лишала его всех способностей ума; мало-по-малу он привык обращаться с нею покойнее; привык держать ее за руку, привык целовать ее, как брат целует сестру. Она выучилась читать и понимать превосходно; писать красиво и совершенно правильно. Выучилась закону Божию. Басенко абонировал ее в одной библиотеке для

чтения, и она все удобное время посвящала на чтение книг нравственных, книг, которых по каталогу назначал Басенко. Он давал ей деньги, чтоб облегчить её состояние, чтоб доставить ей выгоды, которых она не могла иметь. Она брала их без всякого упорного чувства, как от брата, кривляясь, не ломаясь; всегда столько, чтоб иметь возможность посылать за книгами; пересылать малость к отцу в деревню и давать милостыню. Он делал ей много подарков: она взяла только золотой крест с распятием и такое же кольцо с надписью: друг Б. Курс ученья был не велик, а быстрое понятие ученицы сделало его слишком непродолжительным. Казалось бы, и конец делу; но Софья пожирала книги: понятия ее становились обширнее и требовали объяснений. Басенко сообщал их ясно и понятно, а время текло быстро. Наконец она могла с ним беседовать, развертывать собственные свои идеи и даже спорить; Басенко стал замечать в ней какое-то уныние; беспрестанно заставлял глаза ее на себе; часто были они так томны, так нежны, что сердце его начинало бушевать снова. Ласки и поцелуи делались обоих сторон живее, выразительнее, умнее, учение и наконец пожар вспыхнул, и все бытие молодых людей загорелось; да, все бытие: тело, душа, природа, жизнь» [Ч. 1: 108-110];

4. «Точно такую же способность имела свежесть Розалии обдавать жаром сердце офицера. «Ты меня жжешь своими губами» сказал он своей Розалии, которая прильнула ими к обнаженной груди его. Она вострепелась, попробовала губы свои пальцами, потрясла головой и снова заняла свою позицию. Офицер целовал ее в голову, которая обвита была васильками, похожими цветом на её глаза и ветками Божьего дерева» [Ч. 1: 12];

5. «Молодой Басенко пожирал науки; профессора были к нему хорошо расположены, гордились им, потому, что труды их не пропадали над ним даром. Вот одно из благороднейших самолюбий!» [Ч. 1: 48];

6. «Ничто не могло сравниться с восхищением Г. Басенка и нежною радостью его супруги, когда сын вошел в комнату. Наперерыв старались они обнимать его и ласкать по – своему. Нельзя было бы смотреть постороннему

без улыбки на отца и без слез на мать. "Здоров Вячеславенька, говорила мать, держа его руку в обеих руках своих, и смотря на него с сожалением: ты что-то похудел?" «Я был болен, мама, отчаянно» Бах! Госпожа Басенко лежит без чувств на полу...» [Ч. 1: 116];

7. «Искусительница!.... А служба? а долг сына отечества?»«Так я жила бы с тобою в палатке, ездила за тобою верхом, приготавлила тебе кушать, успокаивала тебя, берегла, нежила! Вечеслав! я бы тебя оберегала от ударов неприятельской сабли!» [Ч. 2 :10];

8. «Я не жертвую никому ни чем, кроме жизни за отчизну, отвечал он, остановившись» [Ч. 2: 176];

9. «Ах! Россия! Россия! где отыщешь тебе подобную ? Всем бы для неепожертвовал!» [Ч. 2: 188];

10. «Я обнимаю, — мне хочется обнять, прижать к груди моей все то, что принадлежит мне: каждую травку, дерево, ручей, пруд, холмы, поля, воздух и мое солнце. Я наслаждаюсь не многим, но всем» [Ч. 1: 113];

11. «Ах! ах! какое наслажденье! Ольга, милый друг мой! Тебе кажется, что я без ума! Пусть будет по твоему! Но где найду я слов, чтоб сказать тебе, что со мною делается! Чего я не сделаю, что ты мне прикажешь? Я рад броситься в море, сгореть на костре, взобраться на луну, потушить солнце, чтобы только....» Ольга расхохоталась. «Ангел мой! Счастье мое! Последнее твое объятие было наполнено чем-то сверх - естественным. Скажи мне, чародейка, откуда взяла ты чары? как составляла их? как умела ты пролить во все существо мое неизъяснимое чувство смерти и жизни? как вытянула ты из меня всю душу мою?» [Ч. 2: 40]

12. «Крепко обвилась она кругом всего Вечеслава. Между ними нельзя было пропустить самой тоненькой китайской бумаги. Трепет ее постепенно увеличивался. Вечеслав иступления. Она кипела как вода; он пылал как огонь» [Ч. 2: 28];

13. «Сначала мы с нею обращались, как брат с сестрою; потом, друзья...однако же я не мог существовать без нее; я задыхался ночью как

рыба на воздухе; днем не видал ничего, как слепой. К ней только обращены были ВСЕ чувства мои; для нее только существовали они. Во время болезни ее забрался я к ней в гардероб. Горничная сказала мне, что барышне лучше. В радости души моей, я бросился целовать платье моей Параше и губы мои прильнули к зеленому. Этот цвет видел я на ней при первой нашей встрече. Я скомкал его у груди моей, целовал, обливал слезами счастья» [Ч. 2: 23-24].

Эксплицитное выражение понятия «ненависть»

1. «Какова была выходя замуж, такова и теперь. Совестно говорить, право молодыми людьми так и ворочает; — разумеется, вся вежливость, все приличие света для них;...» но попробуй«...какова была выходя замуж, такова и теперь. Совестно говорить, право молодыми людьми кто-нибудь выйти из себя? — так отделают, дома, глаз на глаз, что не осмелятся и взглянуть на нее в свете, возненавидит, да и только; а уж кого она возненавидит — беда!» [Ч. 1: 84];

2. «Зачемславский знал его вдоль и поперек; он презирал его, как и следует» [Ч. 3: 164];

3. «Ты чувствуешь ужасное отвращение соединить навсегда участь свою с моею. Есть возможность уладить обстоятельство. В два часа ночи послышался тихий шум у двери: будь моею на минуту и будешь навсегда своя Ты молчишь, Ольга?... Образумься! Я полный властелин над тобою. Я могу без всяких условий употребить власть мою и теперь и навсегда». Он обнял жертву свою; но в его руках остались лисицы, а Ольга прыгнула за окно» [Ч. 3: 190-191];

4. «Андамский с каждым днем становился глупее, злее, несноснее. В течении двадцати безпрестанно мучил жену, дочь, людей и таким образом подвигался к могиле, с укоренившеюся ненавистью ко всем его окружавшим» [Ч. 4: 76];

5. «Г-н Щекснинский был человек чрезвычайно завистливый. Добиваясь чинов и знатности, он мог только добиться до Действительных Статских Советников и ненавидел все, что выше его. У него было два сына; он хотел вывести их в люди; но они остались в числе рогатого скота и не смотря на выгодные места свои, были все таки ничто перед Мусорским; и следственно Щекснинский его ненавидел» [Ч. 4: 102];

6. «Он чувствовал, что погубил создание милое душе его, что он, как дух тьмы, прожег адским огнем черту бытия своего в мире и потому далеко от того, чтобы предаваться тщеславию, этому свойству злых дураков, он стал презирать себя, гнусную, отвратительную тварь» [Ч. 4: 159];

7. «О! как добр мой отец!» «Да, Ольга, добр. У меня против него нет больше ничего на сердце» «Спасибо тебе, Вечеслав! как хорошо не иметь ненависти: легко, приятно, свободно» [Ч. 2: 8];

8. «Я чувствую всю мерзость моего положения. Меня осветило новое солнце и открыло потемки души моей. Фу! гнилое болото, наполненное отвратительными ядовитыми гадами — это душа моя!» [Ч. 4: 187];

9. «Зачемславский, святаясь Андамской, не забывал свою вдовушку. Приехав к ней из лагеря через месяц после своего свидания, он ее нашел бледною, убитою, унылою, угнетенною каким-то горем. Ничто могло рассеять ее и чем больше он прилагал к тому старанья, тем резче проявлялось в ней отвращение к его ласкам» [Ч. 4: 184];

10. «Молчите, сказала наконец Г-жа Зезевитинова. Вы мне надоели. Не думаете вы в самом деле, что вы были одни участником бурной страсти моей? Ах! Нет! вы ошибаетесь, грубо ошибаетесь, но вы и они — все надоели мне, опостылили. Я презираю вас всех; но более всех тебя. Ты развратил мою душу; ты был виною моего разорения. Ты удалил меня от света, лишил доброго имени...» [Ч. 4: 187];

Имплицитное выражение понятия «ненависть»

1. « Андамский велел привести к себе Ольгу и сказал ей:«Слушай, мерзавка! ты не дочь моя. Я терпел тебя для того только, чтобы сохранить собственную свою честь. А что? низкая тварь! побледнела! Вот я выдам тебя замуж за такую дрянь, как ты, и объявлю всем формально о твоём знаменитом рождении. Это будет панихидою по матери» [Ч. 4: 94];

2. «Когда Андамский услышал ваше имя, взбесился, заревел во все горло и назначил быть свадьбе на другой день. Это был день похорон, а не свадьбы. Всю ночь раздавался плачь по всему дому» [Ч. 3: 78];

3. «Тебя я не хочу оставить, потому, что ты мне нравишься лучше других, потому, что в тебе нахожу я больше взаимности, чем в других; ты, прибавил он улыбаясь и взяв ее руку, ты мой главный штаб; только не мешай мне в партизанстве, в наездах, фланкировке» Она зарыдала громко; вскочила, наполнила воплем комнату. Зачемславский! вскрикнула она, я тебя убью! я убью сама себя! На что мне свет? но ты умрешь со мною Зачемславский, ты умрешь, другую не будешь прижимать к груди своей, другая не станет разделять моего счастья...» [Ч. 2: 176];

4. «Во мне видел он свой стыд, свое поношение. К чему же ты годна? говорил он. О! я из тебя сделаю мою потеху; я из тебя выжму выгоды мои — и вот, он предал было меня в руки Зачемславского; но когда я устояла против соблазна и гнусных намерений, он решился теперь продать меня Пешкову, за какие-то почести» [Ч. 2: 39];

5. «Подумайте хорошенько, Николай Алексеевич, участь Ольги будет зависеть от этого брака» «Подумайте, сударыня, хорошенько сами. А что? чем же ваша участь дурна? Благодаренье времени! все истребляет, оно, все, всякое дурачество» « Об моей участи говорить нечего» «Нечего? нечего? А почему? ровно тоже ожидает и дочь вашу. Ей около 20-ти; и вам было то же.

Вас насильно притащил я к брачному ложу; с нею будет то же, надеюсь, что муж её будет столько же счастлив, как ваш покорнейший слуга. Вас без всякого сожаления сжимал я в своих объятиях, выправлял вам голову, которую вы прятали от поцелуев, держал в неволе ваши руки, готовые всегда исцарапать все лицо мое, и с нею будет то же» [Ч. 1: 213-215];

б. «Переплетчик горько улыбнулся, упер подбородок в галстук, молчал несколько времени, глядя исподлобья на Басенка и потом спросил у него тихо: «помните ли вы, что я хотел жениться?» «И очень» отвечал Вечеслав."Девка понравилась и нельзя было не понравиться: хороша, добра, честна — и всего - то ей 16 лет — дитя. Мать старуха тихая, хозяйка отличная: но больна и бедна. Я сказал ей: Г-жа Каскарелрух! отдайте за меня дочь вашу и я буду вам подпорою, как сын самый покорный. — Молода еще, отвечала она. — Подождем с годик, Г-жа Каскарелрух. согласилась и я упросил ее, чтоб она позволила мне, как нареченному сыну, доставлять ей все нужное для пропитания... Ну! Г-н Капитан! Господь послал черта искушить девку в самое наводнение. Кажется, всякая христианская душа, в эту минуту страха и отчаяния, не поддавалась никакому искушению... Ну, Г-н Капитан, есть черти в людском образе, есть черти и Капитаны, во гнев милости вашей... Ну! Г-н Капитан! Брры!...» И он так прижал корзинку к полу, что она треснула на несколько частей. « Гретхен! продолжал он с гневом, чтоб раскочилось на части твое счастье! Теперь поди! Собирай милостыню! продавай честь и душу за деньги!... Девка! гадина подколотная! ... «От кого же, мой любезный Петерсон, узнал ты о своем несчастье?» «Сама змея просвистала мне в уши, мне и своей матери, старой беззубой ослице.» « То есть, спросил Басенко, она сама призналась?» «Да! Бесстыдная, беспутная тварь, сама прямо в глаза мне сказала так: я обещана; ищи себе другую честную.»«Кто же виновник всему этому несчастью?» «Кто? Злодей! Грабитель! сатана, Зачемславский!» кричал переплетчик во все горло, сжав кулаки и подняв их над своею головою; потом вдруг остановился, опустил руки, распустил пальцы и сказал, почти шепотом, с притворным смирением:

я простил его, Г-н Капитан; да! простил, в награду за то, что он чрез три дня бросил непотребную. Хозяин согнал мать и дочь со двора...» Переплетчик хохотал в безумии. «Знаете ли что, Г-н Капитан? продолжал переплетчик, перерывая каждое почти слово смехом: эта ослизлая лягушка теперь прыгает под окнами, выманивая себе кусок хлеба; вчера видел я, что она метет улицу... Хем, Господин Капитан! что вы на это скажете?» «Ничего! мой друг Петерсон, только бы просил тебя успокоиться.» Петерсон подошел к нему поближе, наклонился к уху и кричал громко: успокоит меня гроб, один гроб, — слышите ли, Г-н Капитан? — и только тогда, продолжал он протяжно, выпрямься в струнку и указывая пальцем на пол, когда увижу, что эта ящерица околевает кверху ногами, с корчами и муками, в муравейнике... Прощайте, Г-н Капитан» [Ч. 1: 206-209];

7. «Скажите, сделайте одолжение, спросил Андамский, угрожает ли нам опасность?» "Во всяком случае нет, отвечал Басенков, вода спадает и между тем катер мой к вашим услугам». «Что это за люди на нем?»«Те, которые успели, кое-как, пристать» «Как пристать? спросила Ольга. В нем есть и такие, которых откачивают: кажется никак не могли спастись без помощи других?» «Что это, Его Высокоблагородие изволит говорить: спаслись! спаслись! да где бы нам спастись без его пособия? Дай Господи ему здравствовать!» «Дай Господи ему здравствовать!» раздалось в катере. «Вот, извольте видеть, матушка сударыня! говорил старик с прижатыми к груди руками, это мать со старшею дочерью, а возле них спит младенец. » При этом слове, не разжимая рук от дрожащей груди, он указал клинообразною бородою своею, с которой капала вода, на колыбельку. Его Высокоблагородие изволил наткнуться катером своим домичек. Двери и окна у него были уже в воде; на аршин оставалось до потолка. Он вскочил через слуховое окно под кровлю и приказал ломать потолочины. Только что две, или три были подняты, послышался крик и стон, господин Капитан, ни с дурного слова бух в комнату, а там глубь да потемки. Вот, пока вскрыли половину потолка да взломали крышу, он все, матушка ты моя, барахтался на

удалую в воде. Посмотрим: а он и тащит за волосы бабу, а потом девку. Стали было взламывать и остальную половину потолка, а он как закричит громким голосом: стой! не ломай! все, знаешь, и остановились. Батюшка зацепясь подбородком за потолочину и пропусти руки под низ потолка, изволил ими что-то ощупать, да тихой мерой и вытащил колыбелечку с младенцем наверх. Ольга и мать её плакали. Басенков перебил старика: «Благодарите Господа Бога и батюшку царя. Помазанник Владыки небесного, во имя Его, спасает и покоит народ свой. Мы исполняем только могучую волю его. — Не позволите ли, Николай Алексеевич, все это семейство высадить к вам?»

«Почему ж и не так?..» сказал тихо старик. Ребята! закричал Басенко, доски!.... Матросы! перенесите через окно этих женщин и колыбельку в дом! слышите!» «Так нет же! закричал во все горло Андамский, в моем доме чужие не хозяйничают; я сам мог бы распорядиться, прочь! вон!» Дочь бросилась перед ним на колени, умоляла именем Спасителя. «Прочь! змея соблазнительница! кричал бешеный Андамский. Я знаю все эти штуки! Прошу покорно! подъехали к окошечку... вон! прочь!» Жена бросилась также на колени, умоляла, как будто какого-нибудь святителя. «Клянусь! закричал он, клянусь, и бросился от окна; вскочил на стул; снял образ; воротясь к окну, продолжал кричать с неистовством: клянусь Господом Спасителем никогда не принимать к себе в дом этих бродяг!» Окошко захлопнулось, стекла посыпались; катер скользнул вперед, вдоль по стене дома, и отчалил на противоположную сторону улицы. Один благодетельный вельможа, хозяин великолепного дома, не только принял к себе несчастное семейство, но и всех, привезенных на катере Басенком. Когда вода опала, Вечеслав, усталый, с сердцем разбитым, с простудой в груди, бросился на постель свою. «О! вскричал он громко: ум и сердце Андамскаго хуже всякой нечисти в свете! и нечисть и нечестив!» [Ч.1:202-205];

8. «Проклинаю тебя, мыслил он, минута страшная, когда сатана упал на сердце мое и облек его пламенем своей гордости! Какое чародейное

увлечение! продолжительное безумие! отыскивать средств сообщить мужественность ребенку, чтоб он превзошел ею сына моего соседа. Какая адская радость, когда представился, но моему мнению, случай совершить мое предположено! Ах! Даша! Даша! что с тобою будет? бедная, обиженная мною мать и жена! О! да, да! я хуже разбойника, я ограбил тебя, женщина безотрадная. Убийца сына, игрушка сатаны, глупец, посмеяние живых и мертвых...» [Ч. 1: 24];

9. «Отец намекнул что-то о лицемерии. Андамский начал сердиться; слово за слово, слово за слово наконец он сказал отцу твоему: ты безбожник, демократ!», изменник. Отец твой.... Ах! отец твой ударил его по щеке. Андамский взбесился, как и надобно было ожидать. Закричал: людей! палок! но никто смел двигаться с места. Все эти люди служили в ополчении под начальством Владислава Юрьевича: он повелевал в чужом доме, как в своем, приказал подать карету и мы уехали, при клятве Андамскаго угодникам, не прощать никогда отца твоего» [Ч. 1: 126];

10. «Марья Андреевна сказывала мне, услышав когда то разговор её с Ольгой о тебе, пришел в ужасный гнев, снял образ со стены, зажег перед ним свечу и торжественно поклялся, что при жизни его Ольга никогда не будет....» [Ч. 1: 127];

11. «О! какое преступное желание отец ваш поселил в сердце моем!» Ольга поглядела на него с удивлением.«Да, продолжал он, преступное желание — смерти его» [Ч. 1: 134].

Связь понятий «любовь» и «ненависть»

1. «Но вообще противоположности имеют сходство. Например мороз и огонь имеют одинаковое действие; отмороженные и обожженные члены лечат одинаковыми средствами. Рождение и смерть имеют одинаковый процесс. От жизни происходит смерть; от смерти жизнь. разнообразны действия от одного и того же чувства: иной ревнивец выходит из себя, другой сосредоточивает горе в себе, третий великодушен. Любовь и ненависть, добро и зло проистекают от одного человека. Одно начало производит разнообразные действия, а потому и действия противоположностей бывают сходны между собою...» [Ч. 2: 162-163];

2. «В мужчине страсть низкая возбуждается изнутри, сама по себе, без пособия наружных. В сильной страсти он беснуется, готов уничтожить все препятствия, все опасности. Он буря неукротимая, он самовластитель, деспот. смотря однако же на то, вихревые порывы его могут удерживаться рассудком и какою-то, безнадежною робостью. Ощущения страсти в мужчине всегда пламенные сначала: они живы, стремительны, быстры; но за то скоро устает он: скучает, туманится и часто даже вместо страсти заступает отвращение» [Ч. 2: 170];

3. «Нет ада! кто это сказал вам? В этой душе гнездится он со всею силою, со всеми оттенками лютых мучений. Данте Микель Анджело напрасно хотели изобразить его в превосходных творениях своих! Одна только она, эта душа постигает его во всем совершенстве. Чистое и нечистое; любовь и ненависть; сила и слабость; вина и раскаяние — это хаос, в котором она плавает; это пытка ее, чрез хлад и пламя» [Ч. 3: 45];

4. «Есть конечно маленькая разница между вором и вором: иной в самом деле вор, как на пример ненависть; а любовь — посудите! Какой – же это вор? это мальчишка шалун, который крадется, чтобы вас поцеловать. Ну, да! Конечно, бывает и от него лихо; каково поцелует? иногда так укусит,

вместо поцелуя, что не подымешь носа; однако ж во всяком случае, любовь все таки как-то лучше ненависти: по крайней мере не делает зла другим.... тьфу пропасть! и это неправда, и она делает, и много делает, и чрезвычайно много делает. Что ж это за дьявольское сходство между ненавистью и любовью? Просто родные сестры. Да как же это? помилуйте! какая разница: любовь и ненависть!... Нет, воля ваша! а что-то не так» [Ч. 4: 103];

5. «Я убила двух человек, сказала она собравшись с духом. — Одного из них любила я любовью грубою, зазорною, неразборчивою; но любила более всех на свете; другого ненавидела столь коже, сколько любила первого. Это Вячеслав и Ольга» [Ч. 4: 195];

6. «О! я его любила и ненавидела!» [Ч. 4: 200].